

Ю.М. Шанибов

**Султан Сусналиев -
первый полководец горских народов Кавказа**

На фоне эскизов дум и деяний в борьбе
за спасение Абхазии.

Сухум – Нальчик. 2011 - 2012

С о д е р ж а н и е

Эскизы социально-политической ситуации перед грузино-абхазской войной (вместо введения)	3
От Ассамблеи к Конфедерации горских народов Кавказа	4
Прекращение трехлетней войны Грузии в Южной Осетии – крупный военно-политический успех КГНК	5
Назначение Султана Сусналиева председателем комитета обороны КГНК	5
Мой первый визит с Султаном Сусналиевым в Абхазию	9
Наша первая встреча с Владиславом Ардзинба	12
Моя поездка и визит В.Ардзинба в Турцию: начало наших разногласий	13
Наш прогноз оказался верным: Грузия начала войну с целью уничтожения абхазского народа	16
Личные судьбы творцов победы Абхазии в Отечественной войне: платы за ошибки и подвиги	17
Виновен или нет Владислава Ардзинба в тяжких последствиях войны Грузии против Абхазии	21
От имени КГНК Султан Сусналиев действует «Военный совет» черкесских генералов и парламентариев в Стамбуле	27
Ануар Сабаней -- адыгский Нострадамус	29
Конфедерацию им не удастся сломить - мое бегство из-под ареста это покажет	33
Джохар Дудаев: Конфедерация сделала свое дело, Конфедерация должна уйти	34
Гудаута - временная столица Абхазии в огне: просьба Султана Сусналиева к КНК о помощи	35
Связь с Султаном Сусналиевым через добровольцев: Аскер Дзагоев, Феликс Бекальдиев	37
Казачество Юга России солидарно с Конфедерацией народов Кавказа	38
Султан Сусналиев устранил последнее препятствие к победе в войне Абхазии за свою жизнь и свободу	38

Эскизы социально-политической ситуации перед грузино-абхазской войной (вместо введения)

В соответствии с законом маятникового развития истории России и на этот раз на рубеже 20 и 21 веков, как и 19 и 20 столетий русская политическая элита направила свой многострадальный народ к очередной смуте, перечеркивающей все экономические, политические и социальные результаты предшествовавшего этапа трагедийно-героического строительства новой, невиданной в истории цивилизации. Полное разрушение идеологической и политической основы советского строя, естественно, должно было приводить и привело к возрождению некоторых российско-имперских проблем, разрешение которых было все же очевидным достоянием строительства изуродованного полуфеодального социализма. Одной из этих возрождаемых старых проблем, как явно было видно, была опасность восстановления возникшей на обломках социализма властью национального вопроса во всей его сложности.

С самого начала горбачевской перестройки разрушение общественного строя было увязано с инициированием и обострением национального, этнического противостояния. Эпицентром такого развития глобально разрушительного процесса стало провозглашение новой российской властью своей «государственной независимости». С тех пор принявшие такое решение и их идеологи так и не объяснили, чтобы это значило: почему и от чего новая Россия освободилась? «Освободившись» от союзных республик СССР и мировой системы социализма, новые власти России в корне изменили сложившиеся в годы советской власти политику и практику их взаимоотношений с различными формами национальных автономий. От возможности «поглощения ими столько демократии, сколько в состоянии проглотить», эта политика и практика быстро перешли к упразднению национальности и этнической принадлежности представителей национальных меньшинств, а так же формальных признаков государственности малочисленных народов в России и в некоторых бывших союзных республиках.

Глубокая смута, сотворенная группой русской правящей элиты, дорвавшейся до верховной власти «по воле случаев» невиданных во всемирной истории саморазрушительных действий, вызвала беспримерную неразбериху в умах и деяниях общества. Ограниченное общественное сознание было не в состоянии разобраться в сущности происходящего. Диалектика общественной, групповой и индивидуальной мысли и действия была разрушена. Вышедшие из глобального советского социального «инкубатора» люди реально не понимали что происходит. В нормальной социальной ситуации все то, что человек делает, он мыслит; многое из того, что мыслит, он не делает, ибо внешний мир и кое-какой анализ ситуации не позволяют. В ситуации смуты человек делает то, что не мыслит, не понимает.

И не делает то, что очевидно, понятно, может и должен мыслить, ибо связь между мыслью и действием парализована. Подобное парадоксальное состояние, свойственное всему советско-российскому обществу, крайне осложнено испытывали общества страны, горы языков - Северного Кавказа. Здесь раньше и быстрее, чем в других регионах российского постсоветского пространства сформировались национально-демократические общественные движения. Их образовали передовые, мыслящие и способные действовать элиты народов. И они также быстро осознали сущность надвигающихся разрушительных проблем и будущая их направленность против них - малочисленных народов.

Такое опережающее мышление и интуитивное осознание надвигающихся катаклизмов стали первопричинами того, что во время референдума по поводу сохранения Советского Союза именно Северо-Кавказский регион в большей степени, чем другие, высказался за сохранение союза народов и республик. Также впереди других общественное движение народов региона осознало острую необходимость объединения национальных движений в единый межнациональный орган, как это не раз бывало в истории этих народов в предшествующие опасные периоды их общей судьбы. Итак, главной идеей, которую противопоставляли разворачивающемуся хаосу горские народы Кавказа, была идея сохранения налаженного советами ценой громадных жертв союза народов и собственного объединения для этой цели. И на этот раз, как в начале 20 века перед и в ходе Великой Октябрьской революции, был сделан судьбоносный вывод о том, что только союз горских народов может обеспечить объединенный ответ надвигающимся вызовам сотворенного новой русской политической элитой крушения социалистического мироздания и творимой ею, по оценке Дж. Сороса, системы «грабительского капитализма».

От Ассамблеи к Конфедерации горских народов Кавказа

Преодолев жесткие внешние сопротивления, а также имевшиеся внутри самого кавказского общественно-демократического движения противоречия, в конце октября 1991 г. в Сухуме была создана Конфедерация горских народов Кавказа. Можно здесь напомнить о том, что идея и инициатива проведения совещания представителей национально-демократических движений горских народов принадлежали абхазским и чеченским активистам. А из этого совещания представителей, делегаций общественных организаций горских народов благодаря реализации кабардинской идеи были в начале создана в 1989 г. Ассамблея горских народов Кавказа, а затем в 1991 г. Конфедерация горских народов Кавказа (КГНК) на основе изменения статуса Ассамблеи и коренной перестройки ее структуры и функций.

На совещании представителей национальных общественных организаций горских народов кабардинскую идею преобразования Ассамблеи в Конфедерацию поддержала из семи только одна абазинская группа. И, тем не менее, после продуктивных горячих споров идея была

принята всеми и вопреки некоторым упрекам в недопустимости или, мягче, преждевременности создания Конфедерации, она стала реальностью. Наша «поспешность» в ее создании ярко тут же оправдалась. Созданная 1 ноября 1991 г., через 7 дней, 8 ноября президентский совет и парламент Конфедерация незамедлительно подключились к проблемам, порожденным объявлением Б. Ельциным чрезвычайного положения в Чечено-Ингушской республике. Конфедерация добилась отмены Верховным Советом РФ указа Ельцина. Это было первой крупной политической победой Конфедерации.

Важным элементом этой победы было включение в структуру Конфедерации в числе комитетов парламента и президентского совета комитета военной самообороны и самосохранения. Председателем этого комитета в начале был назначен генерал-майор, доктор философских наук, профессор Ким Македонович Цаголов. После серьезного инцидента с военными властями, в который он попал в Грузии, осетинский генерал ушел в отставку. И обязанности председателя комитета самообороны выполнял президент КГНК.

Прекращение трехлетней войны Грузии против Южной Осетии – крупный военно-политический успех КГНК

Вскоре, весной 1992 г., КГНК вмешалась и в грузино - южно-осетинский военный конфликт. По постановлению в Махачкале парламента и президентского совета КГНК ее президент с группой абхазских добровольцев выехал во Владикавказ и предъявил Грузии ультиматум о прекращении истребления южно-осетинского народа. И в этом случае КГНК имела невероятный успех – под давлением Конфедерации Грузия в течение всего одного дня прекратила трехлетнюю истребительную войну против южных осетин.

После отступления Грузии в войне против южных осетин, часть актива Конфедерации думала, что угроза Абхазии со стороны Грузии отодвинута или даже снята. Но руководство Конфедерации справедливо полагало, что Грузия может захотеть использовать против Абхазии подготовленные ею братоубийственные силы и накопленный ими в Южной Осетии варварский опыт. И поэтому мы сочли необходимым найти замену генералу К. Цаголову и найти кандидатуру на вакантный пост председателя комитета самообороны КГНК. Наши поиски вскоре увенчались успехом. Управляющий делами КГНК Х. Шериев предложил на этот пост кандидатуру Султана Сусналиева - будущего генерал-лейтенанта, первого полководца горских народов Кавказа, создателя победоносной абхазской армии и ее министра, высшего военного руководителя процессом освобождения Абхазии.

Назначение Султана Сусналиева - председателем комитета обороны КГНК

Я попросил Шериева пригласить Сусналиева в офис Конгресса Кабардинского народа в Нальчике, где размещался и штаб Конфедерации. Вскоре мы с Султаном встретились. Я окинул его испытывающим взглядом бывшего прокурора. Как известно, издавна юристы традиционные последователи Чезаре Ламброзо, великого итальянского судебного медика 19 века, создавшего целую теорию определения по чертам лица сущность характера человека. Юристы, в том числе и я, не во всем соглашались с теорией великого итальянца. Но и не юристам очевиден факт, что первые впечатления от внешнего облика личности и интуитивная реакция подсознания на них очень часто впоследствии подтверждаются и логикой сложившейся и/или специально собранной обширной и достоверной информацией.

На меня оказало благоприятное действие его сдержанная военная выправка и, особенно, классически кабардинские, черкесские черты лица, наполненные гордым, спокойным достоинством. Психологи доказывают, что девяносто процентов убедительности информации человек передает дикцией, а не логикой. Веря в определенной степени в эту психологическую установку, я стал слушать Султана. Моментально было мною замечено особенности его голоса, манеры разговора - спокойно-рассудительные и, к моему удивлению, почти полностью лишенные свойственной южанам жестикоуляции. Я услышал, как было принято у наших истребленных дворян, тихий спокойный голос, в котором явно чувствовалась железная стойкость и завуалированная сила характера и поведения. Мне пришлось повторять некоторые важные, на мой взгляд, вопросы. Султан к моему удивлению и удовлетворению оказался немногословным. «Наурыз псальэгъуей!» - Наурыз немногословный - подумал я, вспомнив имя своего любимого героя из Адыгского нартского эпоса. Очень лаконично и с определенной неохотой отвечая на мои наиболее важные вопросы, он уточнил важные моменты своей биографии. С уточнением некоторых вопросов и их дополнением к уже имевшейся у меня информации сложились наиболее важные характеристики кандидата на ответственный пост КГНК.

Итак, С. Сусналиев - потомок аргуданских князей Кабарды, его родители, как и его род, были репрессированы советскими властями, вырос на чужбине вдали от родины, полковник Советской Армии в отставке, заслуженный летчик СССР, занимает пост заместителя руководителя крупной компании «Минеральные воды Кабардино-Балкарии».

Неожиданно для самого себя я стал уточнять - не связан ли он, его род с известным дворянским родом крупного и известного кабардинского селения Аргудана Мамхеговых. Султан ответил, что он о роде Мамхеговых слышал. Но о родственных связях с ними Сусналиевых не знает. Задав Султану такой вопрос, я после его ответа понял, почему это сделал. Селение моего рода Щэныбей (селение Шаниба, которое в ходе русско-кавказской войны переселилось в Турцию) было расположено по соседству с селением Аргудан, ставшим знаменитым по всему Советскому Союзу в хрущевские времена из-за рекордных урожаев кукурузы. А в далеком прошлом Шанибовы были

родственниками Мамхеговых - традиционно обменивались невестами и женихами. Поэтому мой вопрос был порожден тщеславным чувством - похоже, я подсознательно искал возможность наличия каких-либо родственных связей между Шанибовыми и Сусналиевыми, следовательно, в какой-то степени между нами - мной и Султаном. При этой кратковременной встрече между нами, и при отсутствии кровного родства, установилось духовное братство, чувства и мысли которого меня обуревают и теперь, когда Султан нас физически покинул и духовно с достоинством ушел в историю народов Северного Кавказа.

Интересен ответ Султана на другой вопрос. В детские и юношеские годы я мечтал стать летчиком. И в зрелые годы я с доброй завистью относился к летчикам. А на этот раз передо мной сидел заслуженный летчик СССР! На мои восхищенные вопросы он отвечал очень сдержанно. Ни собой, ни своими заслугами он не восхищался. Я попросил его выразить одним словом самое главное в деятельности летчика реактивной авиации. «Умение мгновенно принимать единственно верное решение, - сказал он. - Если это мгновение упущено или принято неверное решение, то последствия будут непоправимыми». Эта глубокая мысль, подумал я, гениально отразила специфику действий в воздухе летчика реактивного самолета. В ее основе связь мысли, анализа ситуации и выбора варианта действия летчика в условиях цейтнота, острой ограниченности времени. Такая блестяще сформулированная короткой фразой мысль много говорила об ее авторе. Я подумал: наш бывший председатель комитета самообороны КГНК генерал-философ был человеком рассудительности. А этот новый председатель будет человеком мгновенного и единственно верного действия! Я тогда в полном объеме не понял, но уже чувствовал, насколько нам повезло, когда судьба послала на этот серьезно не воспринимавшийся пост именно такого деятеля! В связи с грузино-абхазскими событиями Султан показал насколько точно он следовал истине, выработанной в остро специфических условиях службы в реактивной авиации от курсанта до командира авиаполка и высокого звания заслуженного летчика СССР. Если бы в 1992 г. он не последовал бы своему правилу - действовать мгновенно и верно - то судьба Абхазии, без сомнения, была бы совершенно иной - непоправимо трагической, а не победоносно-героической.

Вскоре я с Султаном поехал в Грозный, где располагался парламент КГНК. Там же в этот момент находился первый вице-президент Конфедерации Геннадий Аламиа. Председатель парламента Юсуп Сосланбеков и Геннадий Аламиа выразили свое удовлетворение кандидатурой Султана, и парламент и президентский совет КГНК утвердили его председателем своего комитета по самообороне.

Через некоторое время, после нашей срочной поездки в Абхазию, о чем будет сказано ниже, к моему глубокому удовлетворению, Султан пригласил меня домой. Он жил в доме младшего брата Анатолия. Здесь он оказал мне самую высокую честь, которую он мог себе позволить по отношению к другу - представил меня матери. Она, естественно, жила с сыновьями. К этому

времени я уже знал более подробно родословную Султана. В этой достойной и далеко необычной характеристике истории происхождения Султана и его семьи, которую я получал из разных источников, я не стал пытаться уточнять или различать точность фактов и их взаимосвязи. Я и мое близкое окружение Султана воспринимали с учетом почти легендарной истории его рода, семьи, которую я ниже излагаю. А такое происхождение, такое родословие дает личности по наследству выдающиеся способности и обеспечивает человеку возможность их эффективного использования, если исторический момент этого требует. Эта биографическая истина многих выдающихся людей свободно относилась к Султану. И такие ожидания Султан полностью оправдал.

По материнской линии Султан бы прямым потомком представителя известного дворянского рода Кабарды Мыхамэтмырза Анзорова. Последний в свое время был одним из немногих кабардинских дворян, окончивший Санкт-Петербургский университет. Как рассказывают, он был близок к наместнику Кавказа графу Воронцову. В 1851 году войска Имама Шамиля подошли к Малой Кабарде и остановились на берегу Терека. В это время граф Воронцов находился в Пятигорске. У него гостил М. Анзоров. Когда графу доложили о появлении Имама Шамиля на границах Кабарды, якобы, Воронцов и Анзоров сидели за шахматами. Наместник Кавказа поручил Анзорову выехать на место и прояснить ситуацию - выяснить намерения Шамиля.

Анзоров со своей дворянской дружиной выехал на место событий. Но вместо того, чтобы стать разведчиком наместника, он с дружиной переплыл буйный Терек и присоединился к Шамилю. Репрессии наместника обрушились на род Анзоровых. Однако среди анзоровых были другие офицеры и генерал царской армии. Это спасло их от полного уничтожения. К сожалению, этот род советская власть позже, совместно с другими знаменитыми фамилиями кабардинского дворянства, репрессировала. Но и при царе, и при советской власти этот могущественный род в целом оставался пророссийской ориентации.

А М. Анзоров стал одним из первых сподвижников Имама Шамиля, который назначил его Старшим Наибом своей военной администрации. Анзоров погиб в одном из боев войск Шамиля с русской захватнической армией. Узнав об этом, князь Баратынский, командующий царскими войсками на Кавказе, направил двух генералов с подарками к вдове Анзорова с выражением соболезнования. Вполне допустимо предположить, что командующий был лично знаком с Анзоровым, который входил в близкое окружение наместника. В подобных случаях и достойные противники в военных противостояниях действовали по правилам дворянского этикета...

Впоследствии на дочери Анзорова женился один из самых богатых людей Северной Осетии князь Туганов. Он построил для своей жены одну из самых красивых мечетей Кавказа - мечеть на берегу Терека во Владикавказе. Эта мечеть до сих пор стоит, несмотря на то, что кто-то из врагов ислама в 90-х годах 20 века пытался взорвать ее. Стена мечети дала

трещину, но она гордо устояла. А мать Султана была дочерью Туганова и дочери М. Анзорова.

Тот факт, что мать Султана приняла меня, был для меня знаковым. Я имел основание полагать, что такое могло произойти только с ее согласия. Подумал и о том, что только с ее благословения Султан мог согласиться войти в руководство Конфедерации. Я сам на первую поездку в Абхазию попросил и получил благословение моей матери. Здесь я вспоминаю и другой памятный случай. Во время второй после создания КГНК поездки в Абхазию меня неожиданно пригласила к себе в дом в Эшерах мать Владислава Ардзинба. Тогда он был председателем Верховного Совета Абхазии. И на этом приеме он сам не присутствовал по неизвестной мне причине. Независимо от того, проводился ли это мероприятие с согласия или без ведома Владислава, для меня оно имело важное значение. Приглашение и накрытие обильного стола матерью и супругой Владислава были высоким знаком благословения ими нашей организации единства горских народов. Безусловно, эти мудрые женщины интуитивно чувствовали, какую судьбоносную роль сыграет Конфедерация в новейшей истории Абхазии.

Позволю еще несколько слов о впечатлениях за столом в доме братьев Сусналиевых в Баксане. В утонченных манерах матери Султана держаться, разговаривать, умении внимательно слушать, сдержанно улыбаться я увидел такие же черты Султана. В присутствии матери всегда немногословный Султан почти перестал разговаривать – в этой ситуации главной фигурой застольной группы была Она. Мне самому друзья, знавшие мою мать, часто говорят, что я очень похож на нее. Насколько я запомнил от одной встречи с матерью Владислава, мать и сын ярко повторяли в облике и манерах поразительно схожие общие черты.

Подобные наблюдения я делал и делаю до сих пор по той причине, что я в детские и юношеские годы часто слышал от адыгских матерей ламброзианские предсказания. Я слышал, как много раз они с уверенностью говорили, что похожесть сына именно на мать, а не на отца, свидетельствует о том, что такой сын будет иметь удачливую, высокую судьбу. И мои примеры подтверждают это. Достойный юноша не может не позавидовать судьбам Султана и Владислава, которые прожили короткую по кавказским меркам, но великую в человеческом измерении жизнь.

Мой первый визит с Султаном Сусналиевым в Абхазию

Вскоре после назначения на пост председателя самообороны КГНК Султана возникла ситуация, которая проверила соответствие его главного принципа - возможность принятия мгновенно верного решения. В начале 1992 года, кажется где-то в апреле (если я по памяти точно не называю дату, ее установить по событиям нетрудно) президент Международной Черкесской ассоциации Юрий Калмыков и КГНК получили тревожную телеграмму от Владислава Ардзинба. В ней сообщалось о том, что к границам Абхазии на реке Ингури подошли войска Госсвета Грузии. Возникла реальная угроза

вторжения этих войск на территорию Абхазии. Ассоциации и Конфедерации надо было вмешаться в ситуацию.

Мы связались по телефону с Юрием Калмыковым, который находился в Москве. Он продиктовал нам текст заявления Черкесской Ассоциации. В нем от имени Международной организации адыгов, черкесов Шеварднадзе решительно предупреждался о необходимости воздержаться от военных действий против Абхазии, ибо в противном случае черкесы не оставят в беде братский народ. Эту телеграмму мы отправили в Тбилиси из Нальчика.

А я решил, что телеграмму Ю. Калмыкова надо подкрепить конкретными действиями, показывающими единство позиций и возможных действий народов Черкесской Ассоциации и Конфедерации горских народов Кавказа. Решил как можно быстрее хотя бы в небольшом составе от имени Конфедерации выехать в Сухум. Попросил управляющего делами Конфедерации Х. Шериева срочно найти Султана Сусналиева. Я только успел найти транспорт. Наш активист Гумар Мурзаканов согласился сам на своей автомашине повести нас в Сухум. И тут же к нам присоединяется Султан. Я удивился быстроте его прибытия. В ответ Шериев рассказал детали своего поиска Султана. «После рабочего дня я застал Султана дома. Объяснил ситуацию Султану, - ответил он. - И задал вопрос о том, сколько времени ему нужно для сборов. Султан ответил: «Десять минут». А, похоже, он готовый к отъезду вышел через пять минут! Я думал мы позже заедем за ним. Но, как видите, он сам заехал за вами!». Это было первой демонстрацией Султаном своего реального следования приведенной выше его формулы необходимости обеспечения в экстренных ситуациях мгновенной связи «мысли – решения – действия». И в таком же султановском оперативном ключе моя небольшая группа направилась в Сухум. И за десять часов из Нальчика мы доехали до столицы Абхазии. После этого мы много раз покрывали это расстояние. Но ни разу мы не смогли повторить рекорд скорости той поездки с Султаном в Сухум. Я убедился, что в любой другой подобной ситуации «министр обороны» КГНК будет действовать подобным же образом. Это подтвердилось через четыре месяца в сверхопасной обстановке, сложившейся в Абхазии в августе 1992 года. Тогда отлаженная для братоубийственной войны в ходе трехлетнего истребления населения Южной Осетии, до зубов вооруженная балкарцем генералом, заместителем командующего Закавказским военным округом России Беппаевым (естественно по указанию нового руководства России) войска шеварднадзовской Грузии вероломно напала на Абхазию.

По пути к зданию Верховного Совета Абхазии мы несколько раз спрашивали у сухумцев, выясняя дорогу к центру. Некоторые из них нас узнавали и радостно приветствовали. И при этом, было похоже, что горожане осознали возникшую угрозу Абхазии. Владислава Ардзинба в Верховном Совете не оказался. Но скоро должен был вернуться. Нам надо было его ждать. Мы решили это время не терять и использовать для прояснения и оценки ситуации. Это было бы, посчитали, на пользу делу и продуктивности предстоящих наших переговоров с Ардзинба.

Султан сразу предложил, что ему необходимо побывать на месте противостояния. И он с нашей группой поехал к Абхазо-Грузинской границе, где стояли войска Госсвета Грузии. Я же решил пойти на абхазское телевидение и обратиться к Шеварднадзе, его войскам и грузинам. Помощник Ардзинба переговорил с руководством телевидения и на представленном им транспорте я поехал в сухумский телецентр. Здесь я, естественно, застал намного больше напряжения, чем мы наблюдали в городе. И это было закономерно - телевизионщики владели более обширной информацией относительно создавшейся обстановки и ее возможного развития. У меня не был заготовленного текста заявления руководства Конфедерации горских народов Кавказа. Но по пути в Сухум я заранее продумал основные идеи, которые я должен был использовать в таком случае. Поэтому у меня текста моего заявления не было ни тогда, ни после. Но я хорошо помню эти наиболее главные идеи.

Прежде всего, я попросил телевизионщиков Тбилиси и граждан Грузии записать мое обращение и довести его до руководства Грузии. Затем я сделал небольшое вступление в адрес Шеварднадзе. У народов Кавказа, как и всего цивилизованного мира, в ходе его важных действий на посту министра иностранных дел СССР сложился образ мудрого демократа. Ваше возвращение в Грузию, на Кавказ нами воспринималось как возможный важный фактор укрепления стабильности в регионе. Это ожидание в определенной степени оправдалось и фактом прекращения войны в Южной Осетии. Однако последние события, связанные с направлением войск Госсвета Грузии к границам Абхазии нас настораживают, и вызывает резкое неприятие народов Северного Кавказа. Мы предостерегаем вас от возможности дальнейших агрессивных действий в отношении Абхазии. Если вы все же рискнете и перейдете грузино-абхазскую границу по реке Ингури, то мы будем считать, что вами «пройден Рубикон». И тогда вы столкнетесь с объединенными силами народов Конфедерации горских народов Кавказа. Мы надеемся, что вы проявите благоразумие и отведете свои войска от грузино-абхазской границы.

По пути в телестудию и обратно я имел интересный разговор с водителем. К сожалению, его имя я не запомнил. Я по опыту знал, что водители автомашин ответственных работников, имея тесные контакты с обслуживаемые руководителями, достаточно информированы об их отношениях к текущим проблемам. При этом также знал, что их, водителей, мнения и оценки формируются в основном под влиянием своего постоянного «пассажира». Этот водитель, мой первый новый знакомый сухумчанин, почти уверенно говорил, что военное нападение грузин на Абхазию невозможно. Пытаясь заставить его глубже задуматься о возможном повышении военной угрозы со стороны Грузии, я ему приводил факты. Сказал, что Грузия три года безжалостно уничтожала Южную Осетию. В ответ услышал, что Абхазия не Южная Осетия. Грузины знают, что с абхазами у них обширные родственные связи. Кроме того, ваше присутствие в Абхазии показывает, что братья с Северного Кавказа в случае войны нам

помогут. Я возразил и сказал ему: мы, ваши двоюродные и троюродные братья находимся за хребтом. И нам нужно время, чтобы успеть вам помочь, а родные братья южных осетин - северные осетины - находятся рядом с южными; и, тем не менее, Гамсохурдия и Шеварднадзе напали на осетин - южан. Водитель вспомнил о том, как я на вертолете с группой кабардинцев прилетал в Лыхны. Я согласился с ним, что мы специально тогда прилетали для того, чтобы освоить эту трассу и показать наши возможности грузинам. После того, как эта тема была исчерпана, он неожиданно сказал: мы абхазы - войны; если они и нападут, то им никогда не удастся захватить Сухум; для обороны нашей столицы достаточны два боеспособных батальона; если такими батальонами охранять два моста «Красный» и «Белый», то грузины город не захватят и помощь может подоспеть. Я попросил его подробнее рассказать об этих мостах, ибо я ничего о них не знал. Его рассказ был настолько убедительным, что пришел к выводу, что мой собеседник действительно настоящий воин. Я подробно рассказал об этой интересной беседе потому, что в моих дальнейших действиях она имела значение.

Когда в приемной ВС Абхазии собралась вся наша группа, я спросил Султана о впечатлениях от поездки к абхазской границе.

- Абхазия совершенно не готова к войне, - сказал он.

- Шеварднадзе знает о неподготовленности Абхазии к войне. Почему тогда, обладая такими силами, он не форсировал Ингури? Его действия – это разведка боем? - спросил я.

- До боя дело пока не дошло. Думаю, действия Шеварднадзе - это демонстрация силы в целях запугать Абхазию. Это, во-первых. Во-вторых, Шеварднадзе пристально будет следить за нашими действиями. У него достаточно разведчиков в самой Абхазии, - ответил Султан задумчиво.

- Так Абхазии и нам надо готовиться к войне, чтобы избежать войны?

- К войне надо готовиться, чтобы защищаться. В данном случае вряд ли наша подготовка предотвратит эту готовую к развязыванию войну. Грузины опьянены легкой победой в уничтожении Южной Осетии. Такую же победу они ожидают и в Абхазии. Помощь Грузии будет могущественнее, чем возможная помощь Абхазии. Закавказский военный округ России на стороне грузин...

Наш разговор прервало приглашение в кабинет председателя Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба.

Наша первая встреча с Владиславом Ардзинба

После взаимных приветствий, насколько помнится, разговор начал Владислав. Он поблагодарил президента Международной черкесской ассоциации Юрия Калмыкова за телеграмму протеста, направленный Шеварднадзе. Нас похвалил за оперативное прибытие в Сухум. После чего сразу сообщил, что разговаривал по телефону с Шеварднадзе. Последний заверил его в том, что никаких намерений осуществлять военную акцию против Абхазии не имеет. Создалось впечатление, что Владислав

удовлетворен разговором с Шеварднадзе, и что он поверил заверениям «белого лиса», как называли грузинского лидера в кругах, где его хорошо знали.

Я стал горячо, по своему обыкновению, возражать против заверений Шеварднадзе. Назвал подозрительным то обстоятельство, что Шеварднадзе с такой поспешностью выполнил требование КГНК о прекращении войны против Южной Осетии. Трехлетнее истребление населения Южной Осетии было остановлено властями Грузии по требованию КГНК, которая располагалась лишь одним взводом абхазских добровольцев, присланном руководителем Абхазии по обращению парламента и президента Конфедерации. Похоже, войска, получившие опыт истребления безоружного населения, Шеварднадзе понадобились в другом месте. И это место он показал, направив их к границам Абхазии. Очевидно, что войны Грузии против Абхазии не избежать. И к ней надо готовиться. Главной задачей на начальном этапе неизбежной войны может стать, из-за нашей неподготовленности и нехватки времени, проблема обороны Сухума. Пока жива столица, сказал мудрец, жива страна. Я слышал (не назвал от кого слышал), что нашу столицу можно защитить двумя хорошо подготовленными батальонами, которые займут позиций на «Красном» и «Белом» мостах. А Конфедерация срочно сформирует еще один батальон в Грозном, где есть такая возможность. А как его в случае необходимости быстро перебросить в Абхазию мы показали на примере прибытия на вертолете кабардинской группы в Лыхны. И на первых порах это даст нам возможность собраться с силами. Нам необходимо принять срочные меры, и не упустить такую остающуюся теперь возможность.

После меня высказался Султан. В своей привычке быть лаконичным он сказал, что вероятность войны Грузии с Абхазией предельно высокая. Абхазия к этой войне не подготовлена. Состояние обороны ее границы никакой реальной обороны не гарантирует. И надо использовать все возможности, чтобы подготовиться к ней.

В ходе развернувшейся беседы вокруг моего предложения о создании двух абхазских и одного конфедеративного батальонов, было видно, что Ардзинба не верит в возможность военных действий Грузии против Абхазии. И впоследствии в ходе войны это мнение он публично подтвердил. И все же в итоге руководитель Абхазии и представители КГНК приняли решение о создании двух батальонов в Абхазии и одного батальона Конфедерации в Грозном, откуда его можно было бы быстро перебросить в Абхазию, как отмечали, в случае необходимости.

Вскоре после этих событий Шеварднадзе отвел от границы Абхазии войска Госсовета Грузии. Руководство КГНК, как и лидеры Абхазии, было обрадовано такими действиями Шеварднадзе. Однако КГНК не поверила в миролюбие грузин и продолжала реализацию намеченных планов на совещании в Сухуме руководителей Абхазии и КГНК. При этом, к сожалению, лидер Абхазии дал «белому лису» возможность ввести его в заблуждение.

По возвращении в Нальчик мы с Султаном связались с Юсупом Сосланбековым, председателем парламента Конфедерации. Он одобрил принятые нами решения о создании трех батальонов. Обещал найти в Грозном базу для размещения батальона КНК и решить вопрос о подборе командира батальона. Он быстро получил от Джохара Дудаева разрешение разместить наш батальон в оставленной российскими войсками и пустующей базе под Грозным. Сосланбеков также предложил назначить командиром батальона Шамиля Басаева. Он уже широко был известен своим дерзким предприятием угона самолета, выполнявшего рейс в Грозный, в Турцию. И Шамиль с согласия председателя комитета обороны решением председателя парламента и президента КГНК был назначен командиром батальона Конфедерации. Затем, когда 19 октября 1992 г. на вертолете с большим грузом оружия я прилетел из Грозного в Гудауту, временную столицу воюющего за свое существование и свободу абхазского народа и организовал Оперативный штаб воинских формирований КГНК, он был, по согласованию с Султаном, утвержден в должности командующего этими формированиями. Мы с Султаном были очень благодарны Юсупу Сосланбекову за успешное решение указанных выше двух важнейших проблем создания нашего конфедеративного батальона.

Моя поездка и визит В.Ардзинба в Турцию: начало наших разногласий

После этих мероприятий в начале августа 1992 г. уехал в Турцию для изучения опыта Турецкой компании КОЗГБ. Эта компания под руководством турецкого кабардинца Карёх Саттадина, используя опыт японской компании Тойота, создавала системы малых предприятий при университетах Турции. Невероятные успехи Турции в этих мероприятиях стала для нее революцией в области наукоемких промышленных технологий. А Султан занимался формированием конфедеративного батальона. И к началу грузинской агрессии против Абхазии в интернациональном батальоне было около сорока добровольцев. После начала грузино-абхазской войны, срочно выезжая в Абхазию, Султан сообщил Сосланбекову о сложившейся ситуации и необходимости быстрой переброски батальона Басаева в Абхазию. Быстро вслед за Султаном наш батальон оказался в Абхазии и сыграл важную роль в борьбе абхазского народа за свободу и самосохранения от планов полного уничтожения грузинскими агрессорами.

Моя поездка в Турцию ожидала большая удача. Оказалось, в это время правительство Турции на базе КОЗГБ проводило трехнедельный семинар по ознакомлению представителей бывших среднеазиатских республик СССР - Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркмении и Азербайджана, представленных на уровне их министров промышленности, с практикой использования опыта Тойота. Нас подробно знакомили с процессом создания действующего кооператива малых предприятий при Стамбульском

университете и строящимся громадным комплексом будущего кооператива при Анкарском университете.

В это время в Турцию приехала солидная делегация Абхазии во главе с Владиславом Ардзинба для встреч с абхазской диаспорой. С группой турецких черкесов, активистов черкесских общественных организаций Турции я присоединился к абхазской делегации. При этом, моя группа заметила, что Владислав Ардзинба нас полностью игнорировал. Он даже не поздоровался со мной (?!). Мои предположения о причинах такого поведения Владислава оказались верными. Владислав нарушил договоренность с КГНК и не выполнил свое обещание создать два абхазских батальона, и вместо этого дал грузинам возможность разместить в санатории под Сухумом полк грузинских войск. Я об этих фактах узнал в Турции. Назвать своих источников информации и сейчас по истечении двух десятков лет считаю не желательным. Поэтому о выполнении наших договоренностей во время указанной выше моей и Султана встречи с ним в Сухуме Владислава я намеревался спросить. При этом я, было, подготовил Владиславу вопрос о создавшейся парадоксальной ситуации: **МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ НОРМАЛЬНЫМ ПОЛОЖЕНИЕ, КОГДА КОНФЕДЕРАЦИЯ В ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТЕПЕНИ ПОДГОТОВИЛАСЬ К ОТРАЖЕНИЮ АГРЕССИИ ПРОТИВ АБХАЗИИ – СОЗДАЛА ВООРУЖЕННЫЙ И БОЕСПОСОБНЫЙ БАТАЛЬОН, ПОДГОТОВИЛА ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА К РЕАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКЕ АБХАЗИИ В СЛУЧАЕ АГРЕССИИ ГРУЗИИ. А САМА АБХАЗИЯ НЕ ПРИНИМАЕТ МЕРЫ ДЛЯ СОБСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ? КАК МОЖНО БЫЛО ПРИЕХАТЬ ПРИ ТАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ В ТУРЦИЮ И ПРИНИМАТЬ ВОСТОРГИ ДИАСПОРЫ, КОГДА САМО СУЩЕСТВОВАНИЕ АБХАЗИИ МОЖЕТ ПОДВЕРГНУТЬСЯ РЕАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ? ТАКЖЕ ПРИМЕРНО ЗНАЛ, ЧТО ОН ВЫНУЖДЕН БУДЕТ ПОВТОРИТЬ И ОТВЕТИТЬ: НЕ ВЕРИТ В ВОЗМОЖНОСТЬ ВОЕННОГО НАПАДЕНИЯ ГРУЗИИ НА АБХАЗИЮ. МОЖЕТ, ДУМАЛ Я, ДОБАВИТ К ЭТОМУ: ПОДГОТОВКА АБХАЗИИ К ВОЙНЕ МОЖЕТ СПРОВОЦИРОВАТЬ ШЕВАРДНАДЗЕ, В ВОЗМОЖНОСТЬ ОКАЗАНИЯ АБХАЗИИ РЕАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СО СТОРОНЫ КОНФЕДЕРАЦИИ СОМНЕВАЕТСЯ И Т.Д.** Владислав это знал и поэтому делал вид, что меня вообще нет среди его чествующих черкесов. Я считал такое мнение и поведение Владислава опасным - он не только не верит в возможную военную победу над войсками Грузии, он отказывается верить вообще в возможность военного нападения Грузии на его беззащитную родину! Он готов отдаться на милость истребителям южно-осетинского народа! Эти и такие же вопросы вызывали серьезную тревогу. Чувствовал, что это может плохо кончиться для Абхазии и для нас – народов Конфедерации, которая невольно становилась пособницей истребления братского народа. Я думал и о том, стоит ли в случае неожиданной агрессии против Абхазии направлять туда конфедеративный батальон для его верной гибели. И ЗАХОЧЕТ ЛИ МИНИСТР ОБОРОНЫ КГНК СУЛТАН СУСНАЛИЕВ БЕЗ АРМИИ И БЕЗ

ОРУЖИЯ НАПРАВИТСЯ В АБХАЗИЮ ЗА БЕССМЫСЛЕННОЙ СМЕРТЬЮ?

Этими, мучившими меня мыслями, я поделился с моими информаторами о создавшемся положении в Абхазии. Уверен, что эти мои опасения, которые Владислав считал беспочвенными, мои информаторы довели до его сведения. Лишенный общения с ним, я на это и рассчитывал. Мой расчет оказался верным, но вредным для наших личных, между мной и Владиславом, отношений. Возможно, они некоторые из моих высказываний преподнесли ему в ином свете. В любом случае Владислав с этого момента заморозил наши отношения. И, к сожалению, до конца его жизни наша дружба не была восстановлена.

Наш прогноз оказался верным: Грузия начала войну с целью уничтожения абхазского народа

Все эти сомнения, которые у меня были, и, безусловно, возникали у Султана, испарились, исчезли, как только война началась! Султан и наш конфедеративный батальон без колебаний оказались в Абхазии.

И в абхазском народе воскрес дух война. Не веря в утверждение В.Ардзинба о невозможности военного нападения Грузии на Абхазию, некоторые молодые члены парламента и их молодые друзья в меру своих возможностей готовились к этой героической защите родины. Покажем это на примере того же «Красного моста», о возможности обороны которого, говорилось выше. С 14 августа, первого дня начала войны, стихийное народное ополчение остановило грузинские вооруженные до зубов, имеющие трехлетний опыт войны в Южной Осетии, войска. Ополченцы били грузин из охотничьих и даже прадедовских кремневых ружей, мелкокалиберных винтовок. Наконец через мост прорывается грузинский танк. Ополченцы его останавливают путем поджога. Экипаж танка в панике покидает его и убегает за мост. Ополченцы тушат танк, разворачивают его и обстреливают грузинские войска. Три дня ополченцы держат на «Красном мосту» оборону Сухума. В конце третьего дня, вынужденные отступить, сухумские ополченцы ведут этот танк через весь город за Гумистинский мост и ставят на господствующую высоту. Из танка ополченцы впоследствии постоянно и результативно обстреливали грузинские войска. Грузины пытались его уничтожить. Обстреливали его из дальнобойных орудий. Бомбили танк самолетами. Так и не сумели добиться, чтобы этот танк - первый трофей абхазов-ополченцев - заставить умолкнуть до конца войны. Сколько в этой войне таких не описанных героических эпизодов. Возникает на этом примере наш старый вопрос: А если бы на этом мосту, как договаривались, в день штурма грузинами Сухума стал бы вооруженный и подготовленный абхазский батальон? Ответ очевиден: Сухуме не был бы сдан войскам Шеварднадзе! И город получил бы время для подготовки к обороне ...

Братские народы бросились без промедления на помощь.

И мы добились беспрецедентной победы в этой войне, где по всем

параметрам имели реальную возможность ее проиграть. О роли Конфедерации в этой победе объективную оценку дал сам Владислав Ардзинба. В 1994 году в интервью корреспонденту российской «Литературной газеты» он заявил:

«Я считаю, что именно позиция Конфедерации горских народов Кавказа спасла от уничтожения абхазский народ».

Юрий Воронов включил указанное интервью в «Белую книгу Абхазии». Наша цитата в этой книге значится на 94 странице.

Мы заплатили за эту победу высокую цену. А Владислав и Султан заплатили за нее свои жизни. Когда я думаю об их скоротечных болезнях, у меня возникают историко-биографические параллели.

Личные судьбы творцов победы Абхазии в отечественной войне: платы за ошибки и подвиги

Цивилизации, народы и государства, как показывает история, надламывались, менялись, разваливались под давлением непосильного вызова времени. Совсем недавно это случилось с советской цивилизацией. Таковы и судьбы общественных движений и социальных групп. Этой закономерности подчиняются и судьбы отдельных исторических личностей.

Здесь неизбежно обращает на себя внимание судьба великого Владимира Ильича Ленина. После победоносной великой революции, в итоге гражданской войны и вынужденного возвращения к примитивному капитализму, НЭПу, он увидел, что по его вине вместо социалистического рая создана «Россия во мгле». Он сам юрист, главный обличитель, обвинитель и разрушитель мощнейшего самодержавного государства, не мог не понять своей вины в сотворении под его руководством катастрофы русского и связанного с ним громадного сообщества народов. И можно утверждать, что, прежде всего, именно под тяжестью самообвинения в трагическом содеянном он в пятьдесят четыре года потерял рассудок и погиб, прося яда для самоубийства.

Или пример происшедшего с И.В. Сталиным в начале Великой Отечественной войны. Он, было, поверил в заверения Гитлера о том, что будет соблюдать договор Германии с СССР о ненападении. Поэтому он не верил в сообщения многих разведчиков даже с указанием точной даты нападения Германии на СССР. Некоторые историки доказывают даже, что Сталин не готов был к обороне, ибо он сам собирался напасть на Германию, и поэтому войска готовил к наступлению, а не к обороне. Как бы ни было, остается фактом, что Гитлер его коварно перехитрил. И когда война началась, это было настолько неожиданно для Сталина, что он на несколько дней «лишился дара речи». А еще позже, как пишут, он перенес инсульт, о котором страну не оповестили. Так дорого заплатил этот человек железной воли за свою ошибку. При этом за свою ошибку он судил себя сам. В его окружении не было лица, которое мог бы не то, чтобы указать, но даже

намекнуть на его роковую ошибку, принесшей стране столько жертв, страданий и разрушений.

Аналогично ленинскому и сталинскому примерам есть основание предположить, что серьезное заболевание Владислава в решающей степени связано с тем, что взглядом крупного историка и обладателя мощного политического потенциала он увидел из Гудауты. В этом последнем убежище надежды на самосохранение подлинных абхазов и абхазского народного духа, он наглядно увидел и осознал, во что обошлось его родному народу провозглашение свободы Абхазии, перед какой пропастью она оказалась. Осознание того, что совершен судьбоносный для своего народа политический шаг при неспособности гарантировать необходимыми средствами эту свободу, кроме как неверием в возможность военного нападения Грузии на Абхазию, вполне могло стать невыносимым актом его самообвинения. Такое необычайно тяжелое испытание, как показывают исторические примеры, нормальная психика и ответственная мораль человека не выдерживает...

Насколько нам известно, вопрос об ответственности за тяжкие последствия грузинской агрессии для Абхазии только ставили. Но никто серьезно не хотел заниматься его исследованием и получением объективного ответа на него. Даже наиболее серьезные и ответственные авторы, затрагивая эту проблему, предпринимали попытки облегчить его «самосуд», пытаясь заглушить вопросы, которые в обществе свободной Абхазии ставились. Так, Генеральный прокурор Абхазии З. Барциц писал: «... В последнее время в средствах массовой информации Абхазии нередко возникает полемика на тему, кто из действовавших тогда руководителей не принял возможных мер по предотвращению тяжких последствий грузинской агрессии. Думаю, что сейчас выделять кого-то, искать, кто больше виноват, а кто меньше, нет смысла. **В непринятии должных мер виноваты все руководители того периода, в том числе и руководители Народного Форума, которые больше обещали, чем делали...**». З. Барциц не входил в близкое окружение В.Ардзинба. Последний явно показывал свое нерасположение к Барциц. Это обстоятельство могло стимулировать большую откровенность автора. Но этого не происходит. Прокурор через четыре страницы отходит от провозглашенного выше принципа «виноватых не искать» и в том же стиле намека обвиняет всех государственных и общественных руководителей, несколько смещая акценты в сторону большей виновности Форума. «... Мне по роду своей деятельности не приходилось проверять, - пишет он, - но могу предположить, куда ушли народные средства, причем немалые, которые годами собирались, и кто в этом виноват. **Ведь по вине руководителей Форума, ответственных за этот участок работы, народ в бой ходил с охотничьими двустволками. Виновных так и не захотели назвать. Пусть все это будет на совесть Народного Форума и руководителей республики...**». (З.С. Барциц. Жизнь и закон. - Ростов-на-Дону, 2006. С. 301 и 305).

Оба приведенные цитаты полны противоречий. З. Барциц, как выше отметили, призывая не искать виновных, сам в непривычной для прокурора форме, «предположительно» называет виновных в том, что «куда-то делись» собиравшиеся годами для вооруженного отпора агрессору «немалые средства». Почему генеральный прокурор республики не проверяет факты, а предполагает? Можно так же предполагать, что прокурор не проводил проверки в интересах некоторых предполагаемых виновных. При этом прокурор по своему статусу может по своей инициативе и вопреки желаниям виновных проводить проверки. Возникает еще вопрос: почему прокурор не делает ни-то, ни другое - все же ставит вопрос о виновности руководителей и не проводит проверки по своей инициативе для того, чтобы самому назвать виновных. За какой участок был ответственен Форум – за сбор и использование немалых народных средств или замену охотничьих двустволок автоматами Калашникова? Тяжкие последствия грузинской агрессии связано именно с тем, что эта замена не была осуществлена. Думается, что прокурору известно о том, что такая задача, как формирование вооруженных сил страны для ее защиты, является функцией не общественной организации, а главы государства и государственных органов.

Логика ведет далее к вопросу: а кто из этих предполагаемых виновных мог исключить возможность проверки прокурором ситуации, подставивший безоружный абхазский народ под реальную угрозу полного физического уничтожения? Ответ на этот важнейший вопрос до предела очевиден. В такое двойственное положение, когда прокурор хочет, но не может назвать и без проверки известную ему и многим истину, он попадает в свою очередь по вине тех лиц и организаций, которые имеют такую возможность. А такую возможность, прежде всего, реально имеют лицо и организация, которые его назначают на любую государственную должность.

Кроме того, З. Барциц знает о том, что после победы в Отечественной войне Абхазии, обвинить главного руководителя этой победы Владислава Ардзинба в чем-либо равнозначно противопоставлению себя народной к нему любви и благодарности. Но как Барциц, я понимаю, что вопрос о виновных, и главном виновном, который поставлен обществом и не снят. На него надо ответить. И он должен быть истинно разрешен. Только тогда последующие поколения не будут вновь ставить этот вопрос и по-своему на него отвечать. Мы обязаны это сделать сами. И это надо делать не для того, чтобы назвать о роли в этой трагедии того или иного лица. На этот вопрос надо ответить во имя будущего. Для того, чтобы в будущем народ и ответственные за его судьбы лица не повторяли подобных ошибок.

Чуть выше я не случайно сказал об ошибке. В отличие от прокурора З. Барциц не предполагаю в данном случае преступления.

(Здесь в скобках я позволю себе небольшое отступление. Скажу, что З. Барциц проходил у меня преддипломную практику в г. Тереке в Кабарде. Об этой практике Заур в цитируемой книге вспоминает трижды с сожалением. «Учить меня, дать необходимые практические навыки было некому. Какая школа самостоятельности!» - восклицает бывший практикант (З.С. Барциц.

Указ. книга, с. 86). Заур пишет, что Шанибов пришел в прокуратуру из комсомола. Он намекает, а открыто не пишет о известном ему факте. Столь высокий пост Шанибов мог получить без должной подготовки потому, что он был секретарем Кабардино-Балкарского обкома комсомола по идеологии. При этом он также умалчивает о том, что руководитель его преддипломной практики прокурор Шанибов в момент прохождения практики был тоже студентом пятого курса заочного отделения того же Ростовского университета, который он оканчивает. Он также знал, что к моменту его приезда в Терек Шанибов всего второй год работал прокурором района. Так что, Заур видел, что такую же «школу самостоятельности» проходил сам прокурор. В этой школе прокурор, как пишет Заур, оставался один без штата работников. И он был вынужден привлечь практиканта к прокурорским проверкам, поддержанию обвинения в суде, выступлению перед населением. И вместо того, чтобы осуждать эти вынужденные обстановкой дела, которыми ему приходилось заниматься, надо было их считать свои первым практическим прикосновением к собственно прокурорской работе, в которой он впоследствии преуспел.

Упомяну еще об одном мне непонятном обстоятельстве. Заур, я уверен, хорошо помнит, как по его просьбе я знакомил его с моим другом прокурором Ростовской области Н.Д. Перцевым. Только он мог бы помочь Зауру решить поставленную им проблему об его уходе с работы в прокуратуре Первомайского района г. Ростова-на-Дону и уехать в Абхазию. Это знакомство с Н. Перцевым имело важное значение для дальнейшей карьеры Заура. Приводя другие подробные детали своей биографии, Заур почему-то умалчивает об этом важном факте. Недовольство Заура преддипломной практикой в Тереке, может, распространилось и на этот факт? Такой неподготовленный районный прокурор не должен был иметь хорошим знакомым прокурора Ростовской, крупнейшей, области Юга России? Лучше сказать, что его свели с прокурором области более солидные люди? О причинах осмысливаемого мной факта можно еще многое предположить. Но очевидно, что эта причина не состоит в забывчивости Заура Барциц.

И, тем не менее, Заур ничемному бывшему прокурору Терского района в роли президента КНК дает положительную оценку. Предварительно деятельность президента Конфедерации народов Кавказа во время войны он оценивает в книге двумя краткими предложениями положительно (Там же, с. 82). Затем более развернуто он пишет:

«Здесь в Гудауте, я вновь встретился с Ю.М. Шанибовым, который возглавлял Конфедерацию народов Кавказа и проводил большую работу. Несколько раз по его предложению я ездил с ним на встречи с населением в разные села Абхазии. Присутствовал и на двух заседаниях оперативного штаба Конфедерации, где обсуждались вопросы обеспечения безопасности населения» (Там же, с.310).

После войны, будучи организатором и первым заведующим кафедрой политологии и социологии Абхазского госуниверситета, я был принят как

гость в пяти сухумских семьях. Одним из первых меня пригласил к себе Заур. И наша дружба продолжается до сих пор (когда в январе 2012 г. пишу эти строки). Теперь мы уже коллеги - оба работаем в абхазском университете).

Виновен или нет Владислава Ардзинба в тяжких последствиях войны Грузии против Абхазии

Однако вернемся к прерванному повествованию. Я говорю не о преступлении, а о трагической ошибке Владислава Ардзинба. И доказываю свою оценку, перенося проблему с правового поля в глобальную социально-политическую сферу, которой я занимаюсь последние сорок лет. Мою позицию легко можно пояснить на примере, ставшим достоянием дипломатической и политической истории стран Европы и Мира.

Знаменитый француз, гений теории и практики дипломатии великой эпохи Наполеона Талейран, оценивая подобную ситуацию, сказал: «Это не преступление. Это тяжелее, чем преступление. Это – ошибка».

Как вытекает из рассуждений Барциц, а я прямо называю, главным виновником того, что танкам и артиллерии с запрещенными международным сообществом игольчатыми снарядами Грузии Абхазия могла противопоставить охотничьи двустволки, является Владислав Ардзинба. Но при этом прокурор Барциц этот очевидный факт оценивает как преступление. А юрист, политолог и социолог Шанибов считает и доказывает его ошибкой. Кроме того, первый оставляет вину за это на совести Ардзинба, руководителей Форума и республики. Второй также считает и доказывает совесть Ардзинба чистой.

Почему я это делаю? Ведь слишком многим участникам событий того периода известно о том, что именно лично Ардзинба создал для меня и штаба Конфедерации такие условия, при котором мы вынуждены были покинуть Абхазию с намерением больше здесь не бывать. И я действительно избегал каких-либо связей с ней в течение 12 лет президентства Владислава. Затем его оппозиция меня пригласила в Абхазию и вернула мне мою вторую Родину, за которую я лично идейно, морально, физически и семейно заплатил высокую цену. Долгое время обида не давала мне доискаться до истины о причине его такого отношения ко мне. Но я все же это сделал. При этом не настаиваю на абсолютную истинность моих аргументов.

Как заметил читатель, выше я дал характеристику начальному этапу диссонанса наших в Владиславом отношений. Более детально я должен еще раз вернуться к процессу «порчи» наших с ним отношений. Для краткости мои поиски я изложу в виде логической схемы. В основе его ошибки, о которой ведется рассуждения, лежит то обстоятельство, что Владислав Ардзинба был слишком высокого мнения о себе. На это он имел определенное право. Но он его преувеличил, считая себя неспособным совершить столь большую и опасную ошибку. Далее, поставив себя на его место, логически можно и даже необходимо рассуждать так. Проецировать

качества своего абхазского народа - умение сдерживать себя, побеждать свой гнев, не покушаться на чужое и не отдавать свое, не совершать несправедливости в отношении долговременной дружбы и т.д. – и на современную Грузию и его лидеров. До конца не осознавать значение того обстоятельства, что активную массу грузинского народа Гамсахурдиа, Шеварднадзе, Кетовани, Йоселлиани и иже с ними переродили. Игнорировать тот факт, что лидеры новой Грузии и их идеологи идейно обосновали и практически осуществили впервые в истории народов Кавказа военное уничтожение кавказским народом целого соседнего народа - южных осетин. Можно было допустить, что грузинская матрица отношений к более слабому народу и практика ее претворения в действительность в Южной Осетии не могут быть перенесены на Абхазию. Слишком было очевидно братство грузинского и абхазского народов. Не может быть ситуации, когда двоюродные и троюродные северокавказские братья могли бы спасти абхазов от покушения на уничтожение родными братьями – грузинами. Поэтому военное нападение Грузии на Абхазию невозможно...

А далее, поэтому Конфедерация и северокавказский фактор нужны на всякий случай или для укрепления невозможности грузинской агрессии. Расшатывание этой невозможности опасно. **Считается очевидным до войны:** Шанибов, Конфедерация, которые говорят о необходимости подготовки к войне Грузии против Абхазии, провоцируют эту невозможную войну. Грузия должна видеть, что лидер Абхазии не имеет контактов с провоцирующим войну Шанибовым. (Так думала и после войны профессор Зинаида Габуния, которая обвинила Шанибова в том, что он является виновником Грузино-Абхазской войны?!). **А после войны опять очевидно другое:** Шанибов - первый свидетель тяжелых ошибок лидера Абхазии, который создавал реальные условия к их не допущению. Договоренности об этих условиях лидер Абхазии не выполнил. Допустил непростительную ошибку. В ситуации глубокого душевного и физического кризиса, вызванного осознанием опаснейшего положения, в котором по его вине оказался любимый народ, он не способен не только выслушать реально возможное обвинение со стороны Шанибова. Его взбудораженная совесть не выдерживает даже вид своего главного обвинителя. Поэтому лучше будет, если он и его Конфедерация будут теперь подальше от Абхазии.

Есть люди, которые не выдерживают глубокие материальные, физические и духовные страдания. Есть еще особая, редкая категория людей, для которых самым тяжким является тихий голос собственной совести. Очевидно, что Владислав Ардзинба в какой-то степени относился к этой редкой категории. И он, на мой взгляд, судил себя за главную ошибку в его жизни, чуть не перечеркнувшей главное деяние его жизни, обостренным и безжалостным судом своей обостренной совести. И решение этого суда совести, оказавшееся несовместимым с жизнью, полностью списало с Владислава Ардзинба оставленную прокурором Барциц на совесть руководителей республики вину за тяжкие последствия грузинского нашествия на Абхазию. И так, главная ошибка, допущенная высшим

руководителем Абхазии в грузино-абхазских противостояниях решающего периода новейшей истории Абхазии (другие ошибки руководителей Форума и республики мы не затрагиваем) является не преступлением, а ошибкой. И тяжести ошибки в данном случае соответствует высшая для человека ценность расплаты.

В несколько ином аспекте в таком же сложном положении оказались кабардинец Султан Сусналиев и ближайший его помощник абхаз генерал Сергей Дбар. Сокрушение военной машины режима пятимиллионного народа ограниченными силами стотысячного народа требовало военной гениальности и полной отдачи духовных и физических сил его военных руководителей. Они нашли в себе все эти требования и обеспечили победу. Но при этом они до предела израсходовали свои жизненные силы. Отдав свою жизнь борьбе Абхазии за самосохранение и свободу, они как первые победоносные полководцы горских народов Кавказа вошли в число социально бессмертных творцов истории наших народов.

Недавно в число социально бессмертных достояний нашей истории вошел и второй президент свободной Абхазии Сергей Багапш. Его отец Василий Багапш прожил 92 года. А Сергей израсходовал себя в борьбе за интересы Абхазии к 62 годам. Сергей Багапш по достоинству оценил военный гений Султана Сусналиева и его беспримерный опыт руководства процессом создания и достижения исторической победы молодой абхазской армией и военными формированиям КГНК. После победы ушедшего в отставку Сусналиева Багапш снова пригласил на должность министра обороны Абхазии и использовал его гениальные способности для повышения эффективности военного строительства республики уже в условиях мира.

Однако далее продолжим прерванный рассказ о событиях в Турции. Во время одной из торжественных встреч абхазской делегации абхазской диаспорой я отвел в сторону Геннадия Аламия, первого вице-президента Конфедерации и имел с ним неприятный для нас обоих разговор. Я сказал Геннадию: Абхазия находится на пороге войны. Почему вы вместо того, чтобы подготовиться к этой войне, приехали сюда в Турцию и тратите драгоценное время на торжественные речи и пышные тосты? Наш первый вице-президент пытался что-то ответить. Но, было похоже, что и он, один из главных руководителей КГНК, стал жертвой шеварнадзовской дезинформации, усыпляющей высшее абхазское руководство. Я резко сказал своему первому абхазскому другу, что не намерен участвовать в этих торжествах. И со своими спутниками прервал участие в мероприятиях, сопровождающих Владислава во время его недопустимого визита в Турцию где-то за полторы недели перед началом грузинской агрессии. (В скобках укажу, что этот материал я должен сдать Геннадию Аламия, организатору и редактору книги памяти о Султани. Захочет ли он включить его в книгу? - вставил в текст такой вопрос, когда 16 января 2012 г. передал его Геннадию. Вскоре он позвонил и попросил меня согласиться с отбором из моего текста 16 страниц из 38. Он ответил на мой вопрос. И его ответ я включил в текст после возвращения в Нальчик).

Как мы в Конфедерации прогнозировали, Шеварднадзе получив радостные сведения о том, что руководство Абхазии он удачно ввел в заблуждение, и должной подготовки к отражению возможного нападения не осуществило, неожиданно, внезапно начал войну против Абхазии. Эта неожиданность была относительной. Не только в руководстве Конфедерации, но и многие в Абхазии видели и понимали, что Грузия интенсивно готовится к войне с Абхазией. Грузинская академическая наука и беспредельно ложная государственная пропаганда, было уже, провели «успешную» подготовку грузинского общества к развязыванию кровавой бойни в Абхазии по южноосетинскому трехлетнему опыту.

В сознание грузин академиками была внедрена как историческая истина ложь о том, что «абхазской нации не существует. Что настоящие абхазы были грузинским племенем. А спустившиеся с гор варвары адыгейцы уничтожили это грузинское племя и присвоили себе его имя и родину». Этой извращенной варварской идеей научная и политическая элита Грузии обосновывало необходимость восстановить «справедливость» и забрать у абхазов и имя и родину. Для этой цели, подготовленные к разбою войска, были Госсоветом Грузии переброшены из Южной Осетии к границам Абхазии. С разрешения В. Ардзинба полк грузинских войск был размещен в пригороде Сухума. Из этих и связанных с ними фактов исходило руководство Конфедерации, оценивая сложившуюся между Грузией и Абхазией политическую и военную обстановку. При отсутствии подготовки Абхазии к обороне, Шеварднадзе законно считал, что военная акция против Абхазии будет для его войск молниеносной успешной компанией. Поэтому для председателя комитета обороны КГНК полковника Султана Сусналиева, как и для руководства Конфедерации в целом их вступление в военные действия в Абхазии в случае возникновения необходимости было предрешиено.

От имени КГНК Султан Сусналиев действует

Поэтому, узнав о нападении Грузии на Абхазию, Султан, в соответствии со своим главным принципом действия в экстремальных условиях, незамедлительно принял единственно верное решение - попасть как можно быстрее в Абхазию.

Султан Сусналиев и управляющий делами КГНК Хаути Шериев, 14 августа 1992 года, получив известие о нападении Грузии на Абхазию, быстро собрали небольшую команду. Вопрос о транспорте тоже решили моментально. Двоюродный брат Шериева на мощном автобусе «Икарус» совершал рейсы в Турцию, Сирию и Иорданию, где проживали многочисленные черкесские диаспоры. Автобус был красочно разрисован арабскими и латинскими буквами. Хозяин автобуса понял ситуацию и предложил свои услуги. Гнал его в предельном темпе. Группа Султана на российско-абхазской границе узнала о том, что грузинские войска только что высадили десант и захватили Гагру. Любой разумный военный остановился

бы здесь и искал бы другие пути, в обход захваченного грузинами города, чтобы попасть в Абхазию в огне. Султан считал, что нельзя терять время, ибо в сложившейся ситуации «промедление было смерти подобно». Неподготовленная к этой войне Абхазия нуждалась в незамедлительной моральной и организационной поддержке со стороны Конфедерации, в срочной помощи которой она не сомневалась.

Султан мгновенно принял опять единственно верное, но крайне рискованное решение. Он уложил в автобусе своих спутников и так, чтобы было видно только его и водителя, направился в Гагры навстречу грузинским войскам, которые захватили Гагру 15 августа. Как выпускник советской военной Академии, он знал правила войны, которым следуют разбойничьи войска в захваченных городах. Они занимались разбоем и грабежами в отношении их гражданского населения и не очень следили за не представляющими материального интереса явлениями. В Гагре «Икарусу» Султана дорогу перекрыли грузинские солдаты. Расчет и счастливый случай сработали. Султан крикнул солдатам, что спешит забрать и вывести детей. По надписям на борту автобуса солдаты должны были понять, что этот пустой автобус собирается вывести иностранных детей. Солдаты пропустили автобус Султана, и он рванулся в Гудауту. Если бы грузинские солдаты знали, кого они пропустили!

В гостях у правительства Турции я узнаю о нападении шеварнадзевской Грузии на Абхазию

Вечером этого же дня, 14 августа, я был на приеме правительства Турции. Во-внутреннем дворике пятизвездного отеля, в котором жили мы, участники семинара, министры промышленности четырех государств Средней Азии и Азербайджана с участием президента Конфедерации народов Кавказа вели приятную беседу о впечатлениях по материалам интереснейшего семинара. Все участники семинара, представители бывших союзных республик знали русский язык и между собой им общались. Для тхамеды, представителя правительства Турции у нас была прекрасная переводчица болгарка, свободно владевшая русским языком. Она сидела рядом со мной и подробно интересовалась народами, входящими в КГНК. Про себя я решил, что она сотрудница спецслужб Турции и еще кого-то и давал ей только продуманную информацию. Спасая от душной погоды, в центре дворика журчал красивый фонтан. Камерный оркестр играл вперемешку турецкие и немецкие мелодии. К моему удовольствию оркестр сыграл мелодию «Кабардинки» в аранжировке известного грузинского композитора Вану Мурадели.

Я был свидетелем того, как Мурадели взялся в 1957 году за обработку кабардинской мелодии. В дни подготовки декады культуры и искусства Кабарды в Москве, посвященной 400-летию заключения военно-политического союза между Россией и Кабардой, в Нальчик Вану приезжал с ленинградским композитором Прицкером. Я тогда в возрасте 21 года

работал директором самого крупного в республике районного Дома культуры в г. Баксане. В числе культработников республики я встречался с Мурадели и Прицкером. Во время этой встречи Мурадели нам рассказал о своем личном участии в нашей декаде. Он, оказалось, переработал кабардинскую танцевальную мелодию в оригинальное произведение для многоголосного хора и оркестра. В исполнении хора студентов Московского университета это произведение во время декады и после стало очень популярной. И, оказалось, оркестр столицы Турции Анкары прекрасно исполнял ее в камерно-симфоническом варианте. И внимание оркестра к этому произведению, как я понял, было связано с тем, что руководителя оркестра нам представили как турка грузинского происхождения.

От наслаждения родной мелодией и связанных с этим воспоминаний меня оторвал служащий отеля. Он подошел к тхамеде и что-то сказал. Тхамеда через болгарку передал, что меня срочно вызывают в номер гостиницы - звонят из Нальчика. С переводчицей я быстро пошел к себе в номер. С ее помощью турецкие телефонистки наладили связь с Нальчиком. Звонил мой родственник, бывший преподаватель Стамбульского университета, возвратившийся на родину с женой в Кабарду Бейджан Шаниба. Его двоюродный брат, генерал-полковник Турецкой армии, командующий Измитским военным округом Турции Мехмет Шен (Шаниба), знал мое местонахождение. Через Мехмета Бейджан нашел телефон Анкарской гостиницы и позвонил мне. Он сообщил, что Грузинская армия напала на Абхазию, говорят, что Сухум захвачен, что в Нальчике сегодня шел большой митинг в поддержку Абхазии. К столу я не вернулся.

Попытался дозвониться до Султана и вице-президенту КГНК от Кабарды Валюрию Хатажукову по их домашним телефонам. Мне это не удалось. Долго пытался дозвониться до Сухума и Гудауту. Здесь, оказалось, не было вообще связи. Тогда я позвонил Энверу Каплан - известному черкесам как Ануар Сабаней - важному активисту Анкарского отделения черкесского общественного движения в Турции. Ануар курировал мое пребывание в Анкаре и знал мое местонахождение. Он подтвердил начало Грузино-Абхазской войны. Сказал, что не стал пока беспокоить, чтобы не испортить мое настроение на приеме правительства. Большая группа (13 человек) черкесов, бывших депутатов Турецкого парламента и генералов в отставке, имела готовое разрешение на поездку на российский Кавказ - в Кабарду, Черкесию, Адыгею и Шапсугию и я знал об этом. Ануар сказал, что эта группа ускорила сроки визита в Россию и вылетает из Стамбула 16 августа. А завтра 15 августа мы должны быть в Стамбуле. Билеты на самолет, в том числе и для меня, до Минеральных вод уже заказаны.

Ночью я плохо спал. Размышлял о том, что надо срочно делать Конфедерации, что может предпринять Султан. При этом я радовался тому, что возвращаюсь на Кавказ с такой представительной делегацией известных в Турции и за ее пределами политических и военных деятелей. Я понял, что эта солидная группа, ускорившая свой визит в Россию, приурочив его к началу войны Грузии против Абхазии, окажет благоприятное воздействие на

формирование общественного мнения в Турции, на Кавказе, на Ближнем Востоке в интересах Абхазии. Вспоминал свой разговор с Геннадием Аламия по поводу необдуманного визита председателя Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба в Турцию. Думал о правильной оценке мной и Султаном предвоенной ситуации в регионе. Верны были и наши предчувствия неизбежной войны Грузии против Абхазии. Ужасала наша общая и, особенно абхазская неподготовленность к этой войне. Зная, что делали грузинские солдаты в Южной Осетии, представлял, какие ужасы творятся теперь в Сухуме, в оккупированной части Абхазии. Информация о том, что Сухум уже захвачен 14 августа была ошибочной. Но я не знал об этом. На самом деле грузинские танки вошли в Сухум 18 августа. Позже я узнал о невероятном факте. Сухумские ополченцы три дня непостижимо держали оборону и не пускали грузин в город именно на «Красном мосту». Выше я описал, как это было.

«Военный совет» черкесских генералов и парламентариев в Стамбуле

Перед отлетом в Минводы наша солидная группа под предводительством Энвера-Ануара устроила завтрак в Доме офицеров-пенсионеров Турции. Так ли по-турецки этот дом называется, я не знаю. Мне так объяснили название помещения, где мы собрались. Ничего подобного я никогда не видел. На огромной территории были разбросаны великолепные здания, ухоженные как музей. Территория утопала в зелени и цветах. Пенсионеры турецкой армии здесь отдыхали семьями, с детьми, внуками. Прошло с тех пор около двадцати лет и, тем не менее, этот земной рай еще стоит перед моими глазами. Перед началом трапезы генералы разложили на столе карты Кавказа, которые принесли с собой. Начали обсуждать ситуацию в Абхазии. От меня потребовали полного обзора возможных линий связи Конфедерации с Абхазией. «Заседанием штаба» пенсионеров руководил генерал-шапсуг. Он не был похож на пенсионера. Высокий и статный, мужественными чертами прекрасного адыгского лица, напоминавшие мне облик Султана, он производил глубокое впечатление. К сожалению, я не запомнил его имя. Но его облик, манера разговора и спора с товарищами навсегда остались в моей памяти.

Генерал-шапсуг водил пальцем по карте и задумчиво что-то говорил по-турецки. Присутствующие оживленно поддерживали разговор. Потом он обратился ко мне. Ануар Сабаней перевел его слова; «По всем показателям сложившаяся ситуация дает явные преимущества Грузинским войскам. Но и у вас есть свои преимущества. В войне в горных условиях, судьбу операции решает контактный бой, столкновение бойцов противников лицом к лицу. В подобной войне нам равных бойцов нет. Это, во-первых. Во-вторых, раз вы успели создать Конфедерацию, она должна успеть мобилизовать свои силы на помощь Абхазии. Надо, чтобы Конфедерация проявила оперативность. Тогда вы победите! Если бы наши народы были едины, наши предки не

проиграли бы столетнюю войну за свободу, и мы не были бы здесь, а были бы дома...». Он сделал паузу и добавил: «Мы победим! Мыслями и чувствами мы тоже участники этой войны. Да поможет нам Аллах!».

Я тоже повторил воззвание генерала к всевышнему. Его поддержала громко вся солидная, представительная и удивительно красивая мужественными и высокоинтеллектуальными чертами группа, достоинства каждого из которых были высоко оценены Турецким государством. Поздравил и поблагодарил за оперативные сборы для поездки столь представительной делегации турецких черкесов на Родину в такое ответственное время. Я был счастлив несколько рассеять их тревоги и переживания относительно возможного развития событий в Абхазии. Коротко рассказал о Конфедерации. Упомянул и о конфедеративном интернациональном батальоне. Назвал его командира Шамиля Басаева. Они быстро прокомментировали эту фамилию. Оказалась, она им была знакома по угону им самолета в Стамбул. Одобрив его кандидатуру. Я почему-то сказал, что в этой войне этот молодой самородок-воин станет Шамилем Вторым. Почтенные генералы и депутаты парламента поддержали мой прогноз аплодисментами. А генерал-шапсуг в оживленный разговор вставил удивительную фразу: «Имам Шамиль, Шамиль Первый свою войну за свободу проиграл. Шамиль Второй, Конфедерация, Абхазия должны победить!». И далее, я уверенно заявил, что Конфедерация проявит оперативность. У нее достойный председатель комитета обороны албай (потурецки полковник) Султан Сусналиев. Он правнук бывшего старшего наиба Имама Шамиля кабардинского князя Анзорова. Это человек оперативного действия. Он быстро окажется в Абхазии и начнет успешно действовать. Поразительно то, что, когда я этой неповторимо великолепной группе уверенно высказывал свои прогнозы о том, что Султан и, вслед за ним, Конфедерация скоро окажутся в Абхазии, он одновременно с моим разговором практически уже делал все это! **Султан Сусналиев, в это же самое время (!!!), когда я о нем говорил знаменитой группе, сам, как выше было указано, пробился через грузинский десант в Гаграх и заслуженный летчик СССР «влетел» на «Икарусе» в Гудауту. И он с этого момента стал первым победоносным полководцем горских народов Кавказа!**

Самые почтенные представители шести миллионной черкесской диаспоры Турции восторженно одобрили принятие нами определенных своевременных мер для отражения грузинской агрессии. Человек впечатлительный, я готов был расплакаться от общей благодарности этих ярких представителей моего народа, предки которых проиграли свою войну за свободу и сами выросли на чужбине. Они достойно служили новой родине. Они и, порождавшие таких людей мои соотечественники, добились того, что я часто слышал от турок в Турции: «Лучшие турки - это черкесы!». А черкесами в Турции называют всех представителей северокавказских народов. Добившийся создание в начале Ассамблеи и затем Конфедерации, я был рад тому, что этой группе знаменитых пожилых

черкесов Турции мог сказать: **Мы успели организовать орган единства горских народов от Махачкалы до Сухума. Мы учли печальный опыт наших предков, которые не сумели объединить не только народы, но даже черкесские племена. Это было причиной нашего поражения в столетней войне за свою землю и свободу. Мы ее, эту причину, устранили и поэтому не проиграем. И каким несчастьем было бы, если бы вместо этого по моей вине наше необычное совещание констатировал бы факт отсутствия у Абхазии возможности сопротивляться грузинскому нашествию. Как можно было жить, если бы мы оказались в положении, когда, сгорая от гнева и стыда, только могли бы наблюдать за уничтожением абхазского народа!**

Ануар Сабаней -- адыгский Нострадамус

В самолете рядом со мной сел Энвер Каплан, он же Ануар Сабаней. Сабановы и Сабаней - роды, живущие в Баксанском, моем родном, и Зольском районах Кабарды. Из большого круга авторитетных и знаменитых представителей адыгской, черкесской диаспоры в Турции, с которым судьба меня свела, самым близким по духу для меня был именно Ануар. И он разделял эти чувства. Мы часто впоследствии встречались с ним в Анкаре и Нальчике. Мы преданно дружили до печальной его гибели с супругой в 2007 году в автокатастрофе по пути из Анкары в родное село. Оно было расположено в области Узун Ялы Турции, где были размещены изгнанные с родины восемьдесят кабардинских сел – ровно столько, сколько тогда было кабардинских сел в самой Кабарде. В числе этих сел было и селение рода шанибовых Щанибей, располагавшееся недалеко от современного Старого Черека в Кабарде. Там до сих пор на месте исчезнувшего селения в покинутой давно людьми степи стоит и в картах республики значится одинокий, оставленный создавшим его своему герою родом, средневековый «Курган Шаниба» - вечное свидетельство истребительной русско-кавказской войны...

Навсегда в памяти осталась наша с Ануаром беседа в самолете. Приведу из нее некоторые выдержки.

- В годы моей работы в комсомоле, - сказал я, - молодежной организации Советского Союза, я занимался в обкоме комсомола идеологией. Как-то, читая сообщения из-за рубежа, заметил и запомнил заметку. В ней писали, что черкес Энвер Каплан устроил очередную потасовку в Турецком парламенте. Это были вы?

- Это было в прекрасные молодые годы. В начале моей политической карьеры. Потасовки в парламенте устраивали и другие. Но у меня почему-то получалась она шумнее. В нашем тогда парламенте зачастую истину приходилось доказывать с помощью кулаков. Теперь такое бывает реже, но бывает. Так что, я не был оригинален в таком деле.

- Почему кабардинец Сабаней стал европейцем Капланом?

- Когда Турция потребовала от черкесов принять турецкие фамилии, каждый принимал фамилию по своему усмотрению, но чтобы звучало по-турецки. Наш Ататюрк был другом вашего Ленина. И мы, даже и некоторые школьники, знали, что в Ленина стреляла Каплан. Выбор на эту фамилию у нас пал на Каплан не по этой причине. По-кабардински Каплан, т.е «къапльэн» означает тигр. Турецкие писари ничего этого не знали или не заметили, и мы получили эту фамилию. За то впоследствии из-за этой фамилии меня принимали за европейца или израильтянина. Это иногда было выгодно, а иногда вредно.

- В той же заметке, о которой я выше говорил, писали, что Энвера Каплан никогда не привлекают к ответственности за хулиганство в парламенте потому, что президент Турции его близкий друг.

- Возможно, это имело какое-то значение в отношении меня. Но вообще, если за подобные потасовки привлекались бы депутаты, то половину парламента Турции надо было бы судить. У вас в российском парламенте тоже появился хулиган. Его тоже не привлекают к ответственности, даже когда женщин таскает за волосы. Может и он чей-то друг? С президентом Турции Тургутум Озалом мы, действительно, были неразлучными друзьями с детства. Росли в одном дворе. К сожалению, он себя быстро израсходовал.

- Тургут Озал был отцом турецкого экономического чуда? – спросил я.

- Да. Он совершил это чудо. Посвятил ему всю жизнь. Поднявший такой груз мужчина, лишается всех своих жизненных сил. Кстати, в числе десяти специалистов, экономистов, которые разработали Тургуту его программу экономической реформы Турции, был и молодой кабардинец.

- Да, я знаю его, - сказал я к удовольствию Энвера. - Этот кабардинец выпускник лидера университетов мира Гарварда Думан Саади. Он живет уже в Нальчике. Я говорил о нем нашему президенту Кокову и президенту Чечни Дудаеву, с которым мы даже встречались втроем. Последнему также сообщил, что мать Саади чеченка. Оба президента обещали с Саади встретиться. Но никто из них этого не сделал. Тургуту Озалу понадобились знания выпускника Гарварда Саади. А Валерий Коков и Джохар Дудаев в его знаниях и опыте творения экономического чуда не нуждаются. Они сами все знают. Президент Турции Тургут Озал же не знал все. Поэтому в Турции произошло экономическое чудо. А в Кабарде и Чечне, похоже, ничего подобного не будет. Иди, может быть, такое произойдет в Абхазии, когда она будет свободной?

- Важной частью программы экономических реформ Озала является создание обширной системы наукоемкого малого бизнеса при всех университетах Турции, - сказал Энвер неожиданно. - Саатадин мне рассказывал о твоём активном участии в прошедшем семинаре в Анкаре и Стамбуле по малому бизнесу. Озал перевернул жизненные уклады Турции путем привлечения подготовленной, образованной молодежи к современному передовому производству. Тургут мне рассказывал, что хочет одновременно и надолго решить несколько самых важных и взаимосвязанных проблем Турции. Он хотел привязать образование

напрямую к жизни, обеспечить занятость образованной молодежи и обеспечить с помощью этих двух факторов экономику, основанную на саморазвивающейся передовой технологии в расчете на далекую перспективу. Может быть, на века... Он выполнил эти и связанные с ними сложные задачи. Правда, это стоило ему жизни... А Абхазия может иметь такого лидера, как мой друг Тургут Озал? Ты его, такого будущего лидера абхазов, видишь сейчас среди абхазской элиты? На первых порах и такие абхазы будут похожи на Кокова и Дудаева. Дадут ли они, или независимые от них обстоятельства, возможность появиться такому высшему руководителю Абхазии? Ответы на мои вопросы и есть ответ на твой ...

- Действительно, относительно Абхазии у нас пока только одни вопросы. Я уверен: когда решится главный вопрос - Быть или не быть Абхазии - наши вопросы получат ответы. Если Абхазия будет, а она обязательно будет, появится и лидер озаловского типа! Да, я принял участие в бесподобном семинаре. Саатадин говорил, что на закупку иностранной технологии, на основе которой строятся кооперативы малых предприятий при университетах, Турция заплатила два миллиарда долларов. И при этом, Турция готова безвозмездно отдавать участникам семинара эти материалы, если они готовы ими воспользоваться. Я вел подробные записи в ходе семинара. Хочу их обобщить и передать Кокову и Дудаеву. Но захотят ли они воспользоваться и этим турецким опытом? Может, президент Адыгей Аслан Джаримов воспользуется этим опытом? Или, наконец, мои аналитические материалы может понадобится Абхазии, ее новому озаловского типа лидеру? Я буду предлагать это чудо всем!

Далее мой оживленный собеседник сделал необычно долгую паузу. Я думал о причине этого. Вдруг он очень серьезно посмотрел на меня. Было похоже, что моя последняя фраза навела его на какие-то серьезные мысли.

- Вы, Энвер, что-то хотите сказать и не решаетесь? – сказал я.

- Да... Ты думаешь, что успеешь обобщить свои записи?

- Конечно. Даже в условиях начавшейся войны я сумею это сделать.

- Думаю, что у тебя будет много свободного времени для обобщения.

Но воспользуешься ли ты таким своим творчеством?

- Я не понимаю, на что Вы намекаете?

- Ты мне рассказывал, что по требованию Конфедерации с участием Ельцина была прекращена война Грузии против Южной Осетии. Я думаю, что и война против Абхазии началась не без участия того же Ельцина. Следовательно, твоей Конфедерации теперь противостоит не только Шеварднадзе, но и Ельцин. Тебе Ельцин не простит создание Конфедерации. Кроме того, когда хотят ликвидировать организацию, ее, прежде всего, обезглавливают. Прости меня. Я буду откровенен: я уверен, что сейчас ты летишь в русскую тюрьму, а я провожаю тебя...

- Вы говорите невероятные вещи! Так даже подумать нельзя!

- Так необходимо подумать. Такая возможность реальна. Логику действия высших политических кругов я хорошо знаю. И у меня

достаточный опыт для того, чтобы понять ситуацию, в которую ты попал по своей воле. И по своей воле пока еще можешь выйти из нее.

- Почему «пока еще»? И как я могу это сделать? - спросил я окончательно расстроенный.

- Очень просто. «Пока еще» потому, что у тебя есть время. Этого времени уже не будет, когда Конфедерация по-настоящему вмешается в войну Грузии, поддерживаемой Ельциным, против Абхазии. Как только конфедераты себя покажут свою эффективность, за тебя конкретно возьмутся. Уверен, что вопрос о твоей изоляции уже положительно решен руководством России. А о твоём выходе из этой ситуации, мы тоже подумали. Мы на себя берем приобретение тебе, твоей семье квартиры в Анкаре или Стамбуле. «Мерседес» у тебя будет. Дачей на берегу Черного или Белого моря мы также тебя обеспечим. У тебя не будет проблем, чтобы заниматься политикой, наукой.

- А начавшаяся война в Абхазии?!

- Из Турции ты можешь лучше помочь Абхазии, чем из тюрьмы.

- Если я и попаду в русскую тюрьму, то я оттуда когда-нибудь выйду. А вы, я вижу, никогда не выйдете из турецкой тюрьмы. Приглашаете меня тоже туда. Спасибо за заботу, но этот выход из положения не для меня! - воскликнул я.

И тут же понял, что был недопустимо резок. Не подумал о том, что мой упрек о турецкой тюрьме причинит боль моему другу - ведь он и его знаменитая группа (тринадцать черкесов-генералов в отставке и бывших депутатов Турецкого парламента) со мной вылетели хоть на короткое время из этого долгого трагического заключения.

- Не горячись, не спеши с решением, Мусса. Подумай спокойно над моим предложением. - ответил грустно и задумчиво Энвер.

Далее до Минвод мы с Энвером обменивались лишь отдельными фразами. Каждый думал о конце нашего разговора. Я до сих пор думаю о том, насколько был проницателен и опытен Энвер Каплан. Мне теперь понятно, почему он был другом и советником президента Турции Тургута Озала, реформатора и модернизатора своей страны ценой своей жизни. Поразительно то, что все прогнозы и предсказания Энвера Каплана о будущих событиях, изложенных выше, полностью сбылись. Более того, когда Энвер в самолете на Минводы предсказывал неизбежность моей отправки в русскую тюрьму, этот процесс уже был запущен. Решением этого указания Ельцина уже занималась следственно-оперативная группа под руководством помощника генерального прокурора России Саввина в паре с следователем по особо важным делам этой прокуратуры полковником юстиции Родионовым. И они задержали меня и затем арестовали через месяц после возвращения из Турции. По истечении срока задержания, перед предъявлением обвинения и арестом, Родионов в присутствии Саввина и начальника городского отдела милиции г. Невыномысска Ставропольского края сказал мне: «Юрий Мухамедович, я не знаю, за что вас арестовываю. Совершая должностной проступок, скажу: вот смотрите постановление о

заклучении вас под стажу, подписанный генпрокурором РФ Степанковым. Я обязан всего лишь проставить здесь отсутствующую дату. Я его получил более двух месяцев тому назад. В нем я обязан вписать сегодняшнюю дату».

Я юрист, бывший прокурор, политолог, социолог, философ не мог даже предположить ничего подобного. Но как Энвер Каплан мог все это вычислить и предсказать мне?! Адыги имели современного Нострадамуса! Но об этом никто и не подозревал! Никто не собрал высказывания и прогнозы Ануара Сабаней относительно будущих событий в Адыгском Мире. И теперь мало кто знает, кого мы потеряли в автокатастрофе ...

По прибытии в Нальчик я включился в активную работу по мобилизации народов Конфедерации для оказания помощи Абхазии. Не смог на этот раз больше встретиться с знаменитой делегацией турецких черкесов.

А с Энвером после грузино-абхазской войны часто встречались. Но, к моему удивлению, он ни разу не возобновил наш разговор в самолете. Он мог бы мне напомнить о возможном развитии событий в моей жизни по его сценарию. Если бы я принял предложение Энвера, тогда: я не был бы ранен в Абхазии и не стал бы пожизненным инвалидом в пятьдесят пять лет; три мои семьи не были бы ограблены на девять миллионов рублей; жена не получила бы инсульт и не стала бы инвалидом второй группы; в Абхазии не был бы убит мне в отместку мой единственный сын и т.д. В подобных случаях обычно спрашивают о том, жалеют ли о своих действиях, вызвавших такие последствия? Я ответил и на этот вопрос. В политической истории есть закономерность: *насколько важна достигаемая политическая цель, настолько высока и цена, которую за это приходится платить.* А спасение абхазского народа от полного физического уничтожения; обеспечение свободы и государственной самостоятельности Абхазии, считавшиеся высшими мировыми экспертами невозможными, можно было достичь только соответствующими большими жертвами. И мы, все активные участники этой героической борьбы, принесли эти жертвы ...

Конфедерацию им не удастся сломить - мое бегство из-под ареста это покажет

После ареста мои тюремщики продержали меня две ночи в карцере Пятигорской и одиночной камере Есентуковской милиции. Затем посадили на третью ночь в Невыномысске в камере приговоренного к смертной казни и бежавшего преступника. Как бывший прокурор я знал, как поступают такие преступники, когда перед ними оказывается беззащитный **бывший прокурор**. Я имел шанс быть задушенным в эту ночь - мой сосед ничего не терял: **он было сужден за убийство, затем в лагере убил охранника и бежал. Мое убийство ему ничего не добавляло к его ответственности.** В камере с нами был еще несовершеннолетний воришка. Я мобилизовал все свои знания и способности и сумел получить у смертника прозвище «Батя». Это я считаю, избавило меня от выяснения отношений со смертником. На

следующий день меня повезли в мой родной Ростов-на-Дону. Ростовские силовики отказались принимать меня. Мои тюремщики, применив свои привычные методы, считали, что меня сломили, и со мной можно будет делать все, что было запрограммировано их начальством. Я же пришел к выводу, что, судя по словам моего следователя, судебной перспективы мое дело не имеет и со временем им придется меня освободить. Но ждать этот запланированный срок моего содержания я не должен. Я должен доказать Ельцину, Степанкову и Шевраднадзе, по просьбе которого меня и арестовали, неприятные им всем факты. **Раз так сильно вы все нас боитесь, свою войну вы уже проиграли. Меня не смогли сломить и, следовательно, сломить Конфедерацию тоже не удастся.** Для доказательства этих фактов я должен совершить побег из-под контроля моих тюремщиков. Такую возможность мне дали ростовские силовики, которые отказались поместить меня в свой карцер. Они заявили ельциновской бригаде, что не допустят обострения отношений Ростова с народами Кавказа. И в родном Ростове-на-Дону я совершил этот побег, имея полный шанс быть подстреленным или вовсе убитым.

**Джохар Дудаев: Конфедерация сделала свое дело,
Конфедерация должна уйти**

Под давлением протеста всего адыго-абхазского, кавказского мира я был освобожден после побега и прибыл на транспорте Конгресса кабардинского народа в Нальчик. Здесь после моего выступления на многотысячном митинге, в то же вечер первый вице-президент КГНК Геннадий Аламия глубокой ночью вывез меня в Грозный. Он опасался, что меня российские спецслужбы могут выкрасть второй раз.

Здесь уместно мне сделать некоторое отступление от хронологии описываемых событий и привести некоторые факты, логически завершающие отношения между Джохаром Дудаевым и Конфедерацией.

К этому времени КГНК выполнила свою первоначальную миссию в Чечне. Под ее давлением и действиями ее делегации под моим руководством в парламенте РФ, Ельцин был вынужден отменить свой указ о введении в Чечне чрезвычайного положения. Чечня на три тогда получила свободу. Джохар Дудаев после этого уже считал, что Конфедерация ему больше не нужна. Эту ошибочную и неблагодарную позицию относительно молодого генерала я к этому времени уже был вынужден осудить в интервью газете «Северный Кавказ». В нем я сказал, что молодой генерал думает, что он все сражения своей борьбы выиграл; он не понимает, что наиболее тяжелые битвы у него впереди, и что Конфедерация ему еще понадобится. Джохар и его окружение серьезно обиделись на меня. Меня и мой прогноз они осудили. Наши контакты были Джохаром прерваны.

И когда после взрыва домов в Москве, к которым чеченцы не имели никакого отношения, начиналась вторая «путинская компания» русско-чеченской войны, три генерала встретились со мной. Генералы

госбезопасности, прокуратуры и милиции в итоге беседы задали вопрос, ради которого встреча была организована: Что будет делать Конфедерация народов Кавказа, если война в Чечне возобновится? Я предостерег их от начала этой второй компании войны в Чечне. При этом сказал, что, по-видимому, Конфедерация официально не будет вмешиваться. Это государство стало для кавказцев мачехой, и, тем не менее, это наше государство и на войну с ним Конфедерация не пойдет. При этом следует учесть, что более трех тысяч северокавказских добровольцев прошли с чеченцами через грузино-абхазскую войну. Их поведением никто управлять не может. Генерал были в целом довольны позицией КНК. И когда вторая компания войны началась, ко мне на связь вышли два батальона добровольцев, которые организованно хотели быстро отправиться в Чечню. Я связался через посредников с Джохаром Дудаевым и сообщил о готовности двух батальонов для оказания помощи Чечне. Дудаев гордо ответил: «У нас достаточно людей. Если вы хотите нам помочь, начните военные действия против России сами по всему Северному Кавказу». Конфедерация в корне отвергала подобный путь борьбы за демократию против собственного государства. Не удовлетворившись таким ответом Джохара, бывший член руководства Конфедерации из Кабарды с группой добровольцев прошли через линию фронта, и встретились с Дудаевым. Он подтвердил свою позицию, отказался от помощи добровольцев и вернул обратно в Кабарду бойцов, которые пришли к нему с одним из бывших членов руководства КНК.

После этого я подвел для себя итоги деятельности Кавказской Конфедерации за восемь лет. Она предотвратила реально возможную первую войну в Чечне, остановила трехлетнее уничтожение Грузией южноосетинского народа, спасла абхазский народ от полного уничтожения шеварднадзевскими войсками, сумела мирно разрешить многие частные конфликты по всему Северо-Кавказскому региону. Было видно, что КНК выполнила свои основные задачи. Остаться бесполезным президентом КНК в условиях начинавшейся второй военной компании в Чечне я не мог. Я подал в отставку. После публикации моего заявления об отставке. мои баксанские старики прислали ко мне делегацию и осудили мой поступок. Кабардинец, сказали мне старики, не имеет право выходить из игры в условиях начавшейся очередной войны в Чечне. Но своего решения не изменил - я не мог быть президентом-наблюдателем в разворачиваемой истребительной войне против братского народа.

Однако вернемся к прерванному повествованию. Дудаев настойчиво дал мне знать, что штаб-квартира Конфедерации больше находится в Грозном не может. К сожалению, были явные признаки и того, что председатель парламента КГНК чеченец Юсуп Сосланбеков тоже стал сторонником Дудаева в этом вопросе. В такой ситуации Конфедерация, и ее президент могли сосредоточить все свое внимание на Абхазию. И 19 октября 1992 г. по моей просьбе Геннадий Аламия, который в Грозном занимался снабжением

борющейся Абхазии оружием, отправил меня на переполненном оружием и боеприпасами вертолете в Абхазию.

Гудаута - временная столица Абхазии в огне: единственная просьба Султана Сусналиева о помощи

Прибыв в Гудауту, я имел краткую встречу с Султаном Сусналиевым. Я видел, насколько он был занят. Наедине поговорить с ним было невозможно. Более подробный разговор с ним я решил отложить. Сразу скажу, что такой разговор так и не состоялся - меня вскоре ранили. На этот раз решил сказать о главном.

- Султан, выражаю от имени президентского Совета КГНК свое восхищение и благодарность за твои оперативные действия. Мне рассказали, что на второй день начала войны ты с группой пробился через грузинский десант в Гаграх! - и стал далее рассказывать о своей в это же время встрече в Стамбуле группе черкесов отставных генералов и бывших членов парламента. Я выражал им свою уверенность о возможных твоих действиях и т.д. И как выше описал, рассказывал о памятной стамбульской встрече. При этом я следил за Султаном. Я понял, что он меня слушает, но думает о своем, о делах, которыми он срочно занят. Я прервал свой рассказ и спросил:

- Какова ситуация в абхазских войсках, абхазской армии и самой Абхазии?

- Ни абхазских войск, ни абхазской армии пока нет. Есть отряды ополченцев и добровольческие отряды, которые присланы Конфедерацией. Нужно время для того, чтобы они стали вооруженными и боеспособными. Работа идет, и они таковыми станут. Здесь нам надо, прежде всего, решить вопрос о воинской дисциплине. Но важнее всего ситуация, точнее общественное настроение населения пока свободной Абхазии, да и беженцев. Оно, естественно, преимущественно упадническое. Это настроение неверия в борьбу и победу некоторых известных руководителей и большей массы населения передается абхазским отрядам, занимающим позицию на фронте. И в свою очередь это же настроение в определенной степени передается и добровольческим отрядам... - рассуждал Султан вслух

- Султан, кажется, я понял, чем могу помочь улучшению ситуации - нам надо поработать с населением. Кто-то, наверное, этим уже занимается? - спросил я.

- Насколько мне известно, этим никто не занимается. А без веры народа в победу, ни бороться, ни победить невозможно, - завершил он, похоже, долго вымученные мысли.

В тот же день после встречи с Султаном, каким-то непостижимо удачным образом я встретился с Игорем Марыхуба, известным историком и руководителем Народной партии Абхазии. Он стал летописцем действий КГНК в Абхазии и опубликовал эти бесценные материалы после войны. К мероприятиям, которые мы проводили с Игорем, я привлек, как указал выше, и старого своего друга Заура Барциц.

Далее я позволю себе привести обширную выдержку из книги Игоря, где он описывает, как нами было реализовано обещание, данное Султану.

«... 20 октября состоялась встреча и пресс-конференция М. Шанибова и Народной партии Абхазии, а также встречи с населением Гудаутского района и беженцами из Очимчирского района и Ткуарчала.

Под лозунгом «Победа Абхазии - победа Кавказа!» Мусса Шанибов развернул в Абхазии кипучую, энергичную и плодотворную деятельность. В кратчайшие сроки он создал Оперативный штаб (ОШ) КНК в Абхазии, разработал его положение, структуру, цели и задачи, встретившись предварительно, 24-25 октября с войнами-добровольцами из северокавказских республик, дислоцировавшимися в Гудауте, Гагре и Пицунде. Во всем ему содействие и помощь оказывал я. Мне было поручено руководство пресс-службой ОШ КНК и анализ средств массовой информации.

Был составлен график встреч ОШ КНК с населением Абхазии, в основном Гудаутского района, утвержденной главой Администрации этого района. С 19 октября по 11 ноября 1992 г. М. Шанибов вместе с руководителями советов старейшин встречались и беседовали с жителями сел Отхара, Лыхны, Дурипш, Блабырхуа, Бармышь, Джирхуа, Звандрипшь, Аацы, Мцара, Анухуа, Цвкуара (Приморское), Куланьрхуа, и Псырцха (Новый Афон), с абхазской научной и творческой интеллигенцией и общественностью нашей республики» (И.Р. Марыхуба. Война Грузии против Абхазии (1992-1993) . На абхазском и русском языках. - Сухум, 2006, с. 198-199). На этих встречах с населением и войнами мы глубоко ставили проблемы настроения, веры в победу, а также дисциплины, исполнении воинского долга в точном соответствии с приказом командира - основные Султановские тезисы, проблемы.

Связь с Султаном Сусналиевым через добровольцев: Аскер Дзагоев, Феликс Бекальдиев

После ранения я долечивался, выписавшись из военного госпиталя, в знаменитом санатории «Самшитовая роща». Однажды меня в санатории навеситил известный офицер-доброволец Аскер Дзагоев, близкий мне воин военных формирований Конфедерации. Он передал мне извинения Султана в том, что не может меня навестить – не может покинуть командный пост. Бойцам известно, сказал посланец Султана, о том, что четвертый месяц Султан не покидает командный пункт. Он не смог это сделать и для того, чтобы искупаться - он на месте, командном посту, постоянно обтирается спиртом. Аскер сказал, что Султан просил его передать мне одно единственное предложение: «После ваших мероприятий, ситуация резко изменилась в нужном направлении!». Аскер спросил, что означает это предложение. Я ему сказал, что эта шифровка о нашем с Султаном секрете - для меня важное лекарство. А что означает это сообщение на самом деле, я

тебе расскажу после войны. Но, к глубокому сожалению, Аскер погиб в сбитом грузинами вертолете «Красного креста».

Второй раз Султан связался со мной через Феликса Бекалдиева. После моего ранения я вместо себя начальником Оперативного штаба КГНК назначил Феликса. Он выделялся из наших добровольцев своими организаторскими способностями и авторитетом. Он стал достойным моим приемником и занимался делами Штаба старательно и умело. К середине декабря 1992 года, как выше отмечал, я находился в санатории «Самшитка». Я с Феликсом систематически встречался, и мы советовались о наших делах. Где-то 11 или 12 декабря Феликс пришел ко мне внепланово. Он сказал, что по просьбе Султана вылетает в Ткворчал, чтобы организовать вывоз оттуда в Гудауту женщин, стриков и детей. Он был в хорошем настроении. Но, вдруг, неожиданно сказал, что пришел ко мне на всякий случай проститься. Мне передалось возможное предчувствие Феликса о значении этого вылета в окруженный грузинскими войсками город в его судьбе. Но я это скрыл и по возможности бодро сказал, что мы не прощаемся, он на время отлучается, и мы снова скоро займемся конфедеративными делами. Однако, к несчастью, мое предсказание было ошибочным, а предчувствие Феликса верным. Он организовал этот вывоз 14 декабря из осажденного города часть самого уязвимого населения. В вертолете «Красного креста» с Феликсом находились более восьмидесяти детей, женщин и стариков. Грузины знали, кто находился в нем. Вертолет они подожгли и все, кто в нем находились, погибли.

Далее действительно прощавшийся со мной Феликс передал мне привет от Султана. И сказал, что у Султана заметно смягчение его глубокой грусти и резкости. Многие, кто с ним общаются, это заметили. Феликс даже спросил у него о причине этого. «Мы все начинаем верить в будущую победу» - ответил Султан Феликсу. Я тут же подумал о том, что мой прилет сюда и мое ранение не напрасны, если своими мероприятиями внес вклад в формирование боевого настроения населения, бойцов и даже организатора нашего военного сопротивления нашествию. Феликс продолжил и сказал, что Султан просит провести определенную работу среди русскоязычного населения. Я сказал ему, что мы уже запланировали такие мероприятия.

Казачество Юга России солидарно с Конфедерацией народов Кавказа

Эти важные мероприятия были подготовлены Константином Озган. Он сыграл выдающуюся роль в борьбе абхазского народа за свою свободу. Долгое время, будучи первым секретарем Гудаутского района Абхазии, он создал такое хозяйство и такие социальные отношения в руководимом районе, которые стали решающим фактором спасения Абхазии. Его район оказался способным прокормить, разместить и обеспечить минимумом необходимого многочисленных беженцев от грузинского геноцида

громадной территории к востоку от Гумисты, включая столицу страны, а также со стороны оккупированной Гагры.

Кроме того, гудаутцы приняли и разместили, прокормили многочисленные добровольческие отряды Конфедерации народов Кавказа. Константин Константинович принимал также деятельное участие в деятельности Конфедерации.

Особый талант он проявил в налаживании связей Абхазии и Конфедерации с казачеством Юга России. Благодаря его усилиям в том же санатории «Самшитовая роща», приняв приглашение Конфедерации, собрались атаманы казачеств Донского, Кубанского, Калмыцкого, Ставропольского и Терского. Передвигаясь на двух костылях, я принимал высоких гостей как президент КНК и руководил совещанием представителей пяти казачеств Юга России и Конфедерации народов Кавказа. Особую роль в достижении консенсуса между участниками совещания сыграл атаман Донского казачества Василий Иванович Каледин. Участниками совещания было принято важное решение о недопущении столкновения и укреплении дружбы между казачеством и народами Конфедерации и поддержке борьбы абхазского народа против грузинской агрессии. Эти решения имели большое значение для формирования общественного мнения русскоязычного населения Абхазии и Юга России в поддержку борьбы абхазского народа. Главному организатору этого совещания Константину Озган мы тогда дали высокое неофициальное звание «атаман атаманов». И Султан мог быть, и был вполне этим событием доволен, ибо казачество Абхазии и Юга России приняли непосредственное участие в военных действиях по защите Абхазии, и стали важными факторами ее победы.

Султан Сусналиев устранил последнее препятствие к победе в войне Абхазии за свою жизнь и свободу

Считаю необходимым затронуть в этом материале еще одно событие, которое стало венцем борьбы абхазского народа за свободу и всех помогавших ему сил. Речь пойдет об освобождении Сухума и всей восточной территории Абхазии, захваченной грузинами. Это событие, естественно, освещено во многих ракурсах, и во многих материалах участков победного наступления Абхазской армии, журналистов и историков. Однако в этих публикациях, насколько мне известно, не вполне отразилась роль Султана Сусналиева в принятии самого важного решения - **принятия решения об освобождении Сухума и остальной территории Абхазии.** И если все же таковые материалы после публикации моих материалов найдутся, то не будет сложным внести необходимые коррективы в мои изложения.

Затрагивая эту упущенную тему, я сознаю, что для объективного и полного изложения проблемы у меня мало источников. Я располагаю только тем, что очень кратко и по обыкновению немногословно рассказал сам Султан, и более подробным рассказом его преданной супруги Любы. Ей, естественно, Султан более широко поведал об этом очень важном моменте

всей грузино-абхазской войны и судьбы самого Султана. И не только Султана, а всей Абхазии и связанных с ней людей, и будущих поколений. Из этих моих источников в момент принятия решения о судьбе самого Сухума складывается невероятно сложная и противоречивая ситуация.

Руководители Государственного комитета обороны Абхазии и военное руководство страны с участием российских генералов–экспертов обсуждают вопрос о возможности освобождения Сухума и лежащей за ней территории. После тяжелого и длительного обсуждения вопроса, под давлением неопровержимых аргументов генералов-экспертов совещание принимает трагическое решение - **у Абхазии нет сил для освобождения Сухума.**

Удовлетворенные решением ответственного совещания, генералы-эксперты быстро уезжают. Возможно, не захотели быть свидетелями естественной трагической реакции пока еще свободной Абхазии на это решение. По секретному плану Султан и его генеральный штаб выжидают некоторое время - они знают, что Шеварднадзе быстро узнает об этом решении. Но, оказывается, пока генералы-эксперты изучали наличные у Абхазской армии для наступления средства, Султан и его генеральный штаб совершенно секретно разрабатывали стратегический план освобождения Сухума и захваченной грузинами территории Абхазии. Но об этом плане не знает даже Верховный главнокомандующий армии Абхазии глава страны. Теперь же быстро надо получить согласия главы страны и реализовать секретный план. Для этого он должен переубедить высшего руководителя, согласившегося с решением совещания о невозможности освобождения Сухума. Султан должен получить его разрешение и сам же реализовать свой секретный план.

Султану и его команде, похоже, казалось, что легче было разработать стратегический и тактический план операции по освобождению Сухума, чем объяснить Владиславу Ардзинба причины создавшейся ситуации и получить его одобрение на проведение операции. На такие опасения наводила совокупность причин. Но самая главная из них, как обоснованно считали хорошо знавшие Председателя участники событий, носила личностный характер. Оно, это главное свойство характера, обуславливало практическую невозможность переубедить В. Ардзинбу в чем-либо, если у него сложилось до этого определенное мнение по этому поводу. Эту невыполнимую задачу получения у него согласия на проведение подготовленной операции должен был разрешить Султан. И это надо было сделать как можно быстрее. Для этого, выбрав более подходящее время, Султан встретился с Владиславом.

Можно очистить состоявшийся исторический диалог между двумя лицами, решающими судьбу единой, целостной Абхазии в столь решающий момент от неизбежно его сопровождавших эмоциональных всплесков. Тогда он выглядит примерно так.

- Владислав Григорьевич, нам с вами надо решить один очень важный вопрос. Прошу вас, меня выслушать, проявляя максимум гибкости и терпения.

- Султан, зачем вы делаете такое введение? При максимуме гибкости и терпения мы приняли ужасное решение на совещании ГКО и военных экспертов. Разве после этого не ясно, что мы способны на любые гибкости и терпения? Говорите, слушаю вас.

- Мы с вами должны сейчас же отменить решение того совещания и принять новое решение о штурме и освобождении Сухума.

- Это неуместная шутка! Не будем тратить бесполезно время на разговоры по этому поводу! - Владислав резко встает и ходит по кабинету.

- Вы обещали, что мы будем способны на любое терпение. Оно сейчас должно хватать на то, чтобы вы были готовы меня выслушать, я продолжить важный разговор.

- Говорите.

- У нас есть необходимые средства для освобождения Сухума. Вся операция разработана в деталях. Наша армия в состоянии провести успешно эту операцию и для этого необходимо только ваше согласие.

- Вы создали военный трибунал. Наверное, он безработный. Вы и ваши помощники, похоже, решили дать им работу!

- Раз вы можете шутить, мы проявляем сверхвыдержку.

- Я вовсе не шучу! Министр обороны, имея возможность освободить страну от оккупации, соглашается с решением об отказе от военных действий. Как это называется?!

- Это называется по-разному в разных ситуациях. В одних - это предательство, в других - тактика, гарантирующая победу.

- Предательство? Победу? Говорите. Слушаю внимательно. - Владислав сел.

- Нам известно, что Шеварднадзе взял легко Сухум с помощью неожиданности. Руководство Абхазии не ожидало, что Грузия пойдет войной на Абхазию. И нам надо было сделать так, чтобы теперь он, Шеварднадзе и его команда, не ожидали возможности штурма Сухума абхазами. И мы это сделали. Шеварднадзе, заверяя о мирных намерениях, готовился к войне. Мы ответили ему тем же - заявив о своей неспособности освободить Сухум, мы успешно подготовились к этому.

- А Шеварднадзе уже известно о решении нашего совещания?

- Безусловно, о нем стало известно грузинам через несколько часов после окончания нашего совещания. И они празднуют свою окончательную победу. Наш расчет был основан на этом. Я был убежден в том, что с кем-то из экспертов Шеварднадзе имел прямую связь. Я мог бы его назвать. Но этого нельзя было делать - он работал на нас, доказывая лучше других экспертов, невозможность штурма нами Сухума. Он был главным фактором введения Шеварднадзе в заблуждение. Кроме того, у Шеварднадзе среди нас есть глаза и уши. Вы помните, как военно-морской министр открытым текстом сообщил по рации Восточному фронту об отправке к ним отряда Ибрагима Яганова. Случайно или преднамеренно грузины это сообщение перехватили и для уничтожения баржи с десантом Яганова два грузинских вертолета напали на него. Тогда по моей просьбе российские летчики спасли

десант. Но операция была сорвана нашим министром. На этот раз мы не могли совершить такую ошибку - риск слишком велик. Неожиданный для грузин штурм Сухума - это главный гарант успеха операции,

- Все это логично. Вы говорите, что наша армия способна освободить Сухум ...

- Я не только говорю о подобной способности нашей армии, но и ответственно свидетельствую об этом. Нами накоплен боевой опыт. Из провала прошлого штурма Сухума извлечена реальная польза. Наполеон говорил, что умению побеждать учатся на поражениях. Взятие Гагры тремя нашими батальонами Килба, Басаева и Яганова, которые разгромили шеститысячный корпус грузинской армии под командованием младшего брата министра обороны Грузии Каркарашвили, было успешной репетицией предстоящего штурма Сухума.

Наша армия уже обладает главным качеством способного к победе воинского формирования. Она стала единым организмом, сложилась как система. Сформировался подготовленный командирский, офицерский корпус. Этот корпус знает главный закон функционирования системы: **система не может функционировать лучше своего худшего элемента.** Из-за игнорирования этого закона мы проиграли прошлый штурм. Теперь у нас есть достаточный резерв, который способен быстро устранить провал «худшего элемента» или попавшего в неожиданно опасное положение нашего подразделения. Я уверен, что эта резервная страховка нам не понадобится - каждое наше подразделение способно выполнить свою задачу. Ибо в них господствующее настроение - дух победы!

- Дорогой Султан! Все, что вы говорите так прекрасно, что трудно в это поверить ... Но после нашего совещания я считаю, что мы не должны еще раз рисковать ...

- Если согласиться с решением этого совещания, то мы согласились с разделом Абхазии между Шеварднадзе и Ельциным. И если упустим сейчас нашу возможность отстоять единство территории и народа Абхазии, в ближайшие столетия это положение изменить будет невозможно. При этом мы предаем борьбу Восточного фронта. Оставляем наш народ в его районах на полное уничтожение войскам Шеварднадзе ... Будущие поколения этого нам не простят, они нас проклянут ...

- Вы, Султан, затронули проблему, от которой я прихожу в ужас. Но все же, возможно, лучше сохранить часть Абхазии, чем потерять ее полностью. Штурм Сухума, вероятно, невозможен. Если мы неудачным штурмом загубим много людей? Нас абхазов и так немного. Жертвы будут и среди находящихся в армии Абхазии добровольцев.

- Владислав, штурм не только возможен, но категорически необходим!
- горячо возражает Султан и теперь он встает. - Если штурм Сухума провалится, и мы загубим людей, то за это я могу нести ответственность. Дайте нам разрешение на штурм Сухума и освобождение Абхазии, а сами под каким-либо предлогом уезжайте из Абхазии. Провал операции при вашем отсутствии снимает с вас ответственность. **Военный трибунал и**

народы Конфедерации будут судить меня! На этом судебном процессе, даю вам слово кабардинского дворянина, не скажу о том, что вы разрешили нам этот штурм Сухума! Я буду настаивать на том, что за решение о штурме и за его провал ответственность несу я один!

- Такой выход из положения для меня неприемлем! - Владислав тоже встает. - Вы сами допускаете возможность провала штурма. **Похоже, этот штурм невозможен, опасен, рискован!**

- Владислав, вы прекрасно понимаете, что о возможности провала штурма я говорю в форме повторения ваших слов. Я же доказываю и настаиваю на том, что штурм и освобождение Абхазии от захватчиков возможен и необходим. И за победу в этом штурме я ручаюсь своей жизнью. Если штурм провалится - **я застрелюсь!**

- Султан! Что вы говорите?! - Владислав в чувствах обнимает Султана и говорит. - Провал штурма будет катастрофой! Чем мы рискуем! Сколько жизни мы потеряем! Прибавление к этим потерям твоей одной жизни ничего не изменит. **Если придется стреляться, мы с вами оба это сделаем! Но последний ваш аргумент рассеял остатки моих сомнений! Такая уверенность в победе не может быть ошибочной! Надо действовать! Когда и как?**

- Меня убеждали, что переубедить вас будет невозможно. Вы победили себя и сняли последнее препятствие к победе армии. Действуем немедленно! Вот вам текст обращения к народу и армии, разработанный нашим политотделом. **Внесите быстро в них необходимые изменения и немедленно обращайтесь к армии, к Абхазии, к народам Конфедерации, к Грузии, к Миру. Одновременно с вашими словами на захватчиков обрушатся и удары победоносной абхазской армии!**

Так председатель комитета обороны Конфедерации народов Кавказа Султан Сусналиев и председатель Верховного Совета Абхазской республики Владислав Ардзинба решили в этот ответственный момент судьбу всей военной компании, начатой Госсоветом Грузии с целью поголовного уничтожения абхазского народа. Удары освободителей Сухума и всей оккупированной абхазской территории были стремительными и победоносными. Грузинская армия была полностью разгромлена за поразительно короткий срок. Войска Шеварднадзе так бежали из Абхазии, что оставляли нетронутыми заставленные обильной пищей и напитками столы, котлы, в которых варилось мясо и т.д. Грузинские войска и грузинское население оккупированной территории не успели сесть за праздничные столы, накрытые по случаю полученной вести о том, что Абхазия отказалась от освобождения Сухума. Они, эти столы, брошенные грузинами под ударами молниеносно наступающей абхазской армии, доставались победителям! Но они не могли сесть за эти обильные столы - шеварднадзевцы убежали из Абхазии так быстро, что за ними не успевали ...

15 декабря 2011 - 16 января 2012 г. г. Сухум.

24 января - 14 февраля 2012 г., г. Нальчик.